МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тольяттинский государственный университет»

Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности
(код и наименование направления подготовки, специальности)

Государственно-правовая
(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему: «Обеспечение и реализация права на свободу слова и информации в Российской Федерации».

Студент А.А. Чернышев
(И.О. Фамилия) (личная подпись)

Руководитель к.ю.н., доцент, Таран А.С.
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация

Актуальность темы исследования. На протяжении длительного периода времени в законодательстве, правоприменительной практики и среди учёных отсутствует единый подход, который позволял бы с точностью установить баланс соотношения частного и общественного интереса установления пределов реализации права на свободу слова и информации. Со всей очевидностью, существует информация, распространение которой не просто общественно опасно, а которая может привести к крайне негативным последствиям для личности, общества и государства. В частности, это призывы к совершению насильственных действий, разжигание межнациональной или религиозной вражды, разглашение информации, составляющей государственную и иную охраняемую законом тайну и т.п.

Целью исследования является проведение комплексного анализа состояния правового регулирования реализации права на свободу слова и информации в отечественной правовой системе, выявление существующих недостатков и проблем правового регулирования, а также поиск способов их решения, дальнейших мер по совершенствованию законодательства в этом направлении.

Объектом исследования являются совокупность общественных отношения, которые складываются в Российской Федерации в связи с реализацией права на свободу слова и информации.

Предмет исследования заключается в совокупности правовых норм, которые регулируют общественные отношения, связанные с реализацией права на свободу слова и информации в России.

Структура работы обусловлена ее содержанием и состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы. Работа написана на 75 листах.

Содержание

Введение 4
1 Правовая характеристика права на свободу слова и информации в Российской Федерации 9
1.1 История развития отечественного законодательства в сфере права на свободу слова и информации 9
1.2 Содержание и место права на свободу слова и информации в системе прав и свобод человека 20
2 Право на свободу слова и информации в Российской Федерации: понятие и правовое регулирование 3030
2.1 Система конституционных гарантий реализации права на свободу слова и информации 30
2.2 Международные стандарты в сфере реализации и защиты права на свободу слова и информации и особенности их применения в Российской Федерации 40
3 Механизм реализации и защиты права на свободу слова и информации 48
3.1 Система защиты права на свободу слова и информации 48
3.2 Направления совершенствования гарантий защиты права на свободу слова и информации 56
Заключение 62
Список используемой литературы и используемых источников 66

Введение

Актуальность темы исследования. На протяжении длительного периода времени в законодательстве, правоприменительной практики и среди учёных отсутствует единый подход, который позволял бы с точностью установить баланс соотношения частного и общественного интереса установления пределов реализации права на свободу слова и информации. Со всей очевидностью, существует информация, распространение которой не просто общественно опасно, а которая может привести к крайне негативным последствиям для личности, общества и государства. В частности, это призывы к совершению насильственных действий, разжигание межнациональной или религиозной вражды, разглашение информации, составляющей государственную и иную охраняемую законом тайну и т.п.

С другой стороны, ограничения, которые устанавливаются государством в данной сфере, зачастую могут быть использованы в целях безосновательного ограничения такого права, кроме того, законодатель в целом может «перегнуть» в вопросе обеспечения государственного (общественного) интереса и установить такие правила реализации соответствующего конституционного права, которые будут существенно ограничивать свободу поведения добросовестных участников информационных отношений. В связи с этим, вопрос установления баланса правового регулирования дозволений и запретов в сфере реализации права на свободу слова и информации был и продолжает оставаться весьма актуальным и проблематичным. Не является исключением и современный период истории России.

Среди конкретных проблемных аспектов в данной сфере необходимо выделить, например, разрешение вопроса о том, существуют ли пределы допустимости критики государства и его представителей со стороны общества, или нет. При этом, возникает ещё один актуальный вопрос, своеобразная конкуренция между двумя конституционными правами- правом

на свободу слова и информации, которая предполагает возможность критики должностных лиц государства и их правом, как и каждого другого человека на охрану тайны личной жизни, защиту чести, деловой репутации и доброго имени. В целом существует понимание того, что «порог критики» должностного лица государства выше, чем обычного гражданина, однако каков он и где его пределы, до настоящего времени отечественное законодательство не определило.

Также существует проблема привлечения к ответственности сотрудника СМИ, который распространяет информацию, свободное распространение которой ограничено, но полученную последним, например, из интервью. Возникает дилемма о том, должен ли сотрудник СМИ в таких случаях нести ответственность или нет?

Разрешение этих и множества других теоретических и практических проблем, связанных с реализацией права на свободу слова и информации в России, продолжает представлять большую актуальность и значимость для совершенствования демократических основ российского государства. Ведь, демократия не является анархией и произволом большинства, демократия, как и любой другой общественно-политический строй предполагает под собой определённые гарантии и установления правил её осуществления.

Таким образом, актуальность избранной темы исследования обусловлена необходимостью анализа теоретических и нормативных основ реализации конституционного права на свободу слова и информации, а также поиска путей и способов разрешения возникающих при этом проблем правового регулирования и практики применения законодательства.

Степень научной разработанности темы исследования. В отечественной науке наблюдается сравнительно большое количество исследований темы дипломной работы.

Среди авторов диссертационных исследований и научных публикаций в периодических изданиях, можно выделить следующих: М.Г. Алдыханов, М.К. Башаратьян,Р.И. Бурлакова, Д.Р. Гайнутдинов, А.Н. Давыдов, М.А.

Дубровина, Е.В. Знамеровский, А.В. Кирпичникова, О.А. Кудряшова, Р.М. Каракотов, С.А .Куликова, С.А. Локинская, Е.С. Лисицына, Е.С. Пальцева, Л.А. Погребинская, Н.А. Петрова, П.Ю. Поздникин, В.Г. Романовский,Е.А. Сарасов, Т.В. Трофимова, А.А. Уваров, А.А. Фатализадзе, И.Г. Фролова, А.А. Царик, Д.В. Чернявский,А.А. Щербович, А.Б. Эктумаев и других.

В частности, свобода слова как явление общественной жизни, конституционные гарантии реализации права на свободу слова, особенности практики реализации данного права, проблемы реализации свободы массовой информации, уголовно-правовые гарантии свободы слова (вопросу уголовной ответственности за наиболее общественно-опасные нарушения данного права), вопросы защиты права на свободу слова, сравнительно-правовой анализ с отдельными государствами (например, США, Великобритания и Северная Ирландия), система прав и свобод граждан в сфере деятельности СМИ, вопросы соотношения права на свободу слова и права на защиту чести, достоинства и доброго имени, проблемы ограничения права на свободу слова и информации и её обоснованности, в т.ч. вопросы злоупотребления таким правом, историко-правовые и другие исследования посвящённые цензуре.

Обращает на себя внимание, что большая часть из перечисленных исследований (кандидатских диссертаций) датированы периодом 2012 – 2013 годов, когда наблюдался пик интереса к проблематике свободы слова и информации в России. Из последних исследований, необходимо отметить докторскую диссертацию С.А. Куликова 2019 года посвящённую вопросам конституционного запрета цензуры, что прямо взаимосвязано с правом на свободу слова и информации.

Таким образом, наблюдается тенденция, согласно которой, не смотря на сохраняющийся интерес на уровне научных публикаций, фундаментальные исследования, посвящённые вопросам реализации права на свободу слова и разрешению проблем возникающих в данной сфере, в

отечественной науке не проводились уже давно. Данное обстоятельство также подтверждает актуальность избранной темы исследования.

Целью исследования является проведение комплексного анализа состояния правового регулирования реализации права на свободу слова и информации в отечественной правовой системе, выявление существующих недостатков и проблем правового регулирования, а также поиск способов их решения, дальнейших мер по совершенствованию законодательства в этом направлении.

Задачами исследования выступают следующие:

1. Охарактеризовать историю развития отечественного законодательства в сфере права на свободу слова и информации.
2. Проанализировать содержание и место права на свободу слова и информации в системе прав и свобод человека.
3. Исследовать систему конституционных гарантий реализации права на свободу слова и информации
4. Изучить международные стандарты в сфере реализации и защиты права на свободу слова и информации и особенности их применения в Российской Федерации
5. Проанализировать систему защиты права на свободу слова и информации
6. Разработать направления совершенствования гарантий защиты права на свободу слова и информации

Объектом исследования являются совокупность общественных отношения, которые складываются в Российской Федерации в связи с реализацией права на свободу слова и информации.

Предмет исследования заключается в совокупности правовых норм, которые регулируют общественные отношения, связанные с реализацией права на свободу слова и информации в России. Такие нормы, прежде всего, содержатся в Конституции РФ, в других федеральных законах, которые регулируют затрагиваемые в настоящем исследовании вопросы, прежде

всего, это Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и другие нормативные правовые акты различной юридической силы. Также к предмету исследования относятся нормы, закреплённые в международных правовых актах, к которым относятся Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 года, а также Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 года.

В качестве методов проводимого исследования были выбраны общенаучные методы, такие как диалектически метод, методы анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, логический, статистический методы. Также были использованы специальные методы юридической науки, такие как формально-юридический, историко-правовой и сравнительно правовые методы.

Структура исследования заключается в наличии трёх глав в каждой из которых последовательно отображается результаты проведённого исследования. При этом, первая глава посвящена вопросам общеправовой характеристики права на свободу слова и информации в России, во второй главе раскрытию содержания правового регулирования права на свободу слова и информации, а в третьей главе исследуется механизм реализации указанного права.

1 Правовая характеристика права на свободу слова и информации в Российской Федерации

1.1 История развития отечественного законодательства в сфере права на свободу слова и информации

Проводя историко-правовой анализ развития правового регулирования права на свободу слов и информации в России, необходимо констатировать, что данное право тесно связано с другим конституционным принципом-запретом цензуры. Соответственно, увеличение или уменьшение цензуры предполагает под собой соответственно уменьшение или увеличение свободы слова и информации. В связи с этим, две данные категории являются взаимно обуславливающими и взаимосвязанными. В связи с тем, что рассмотрение вопросов цензуры не является предметом настоящего исследования, мы не будем углубляться в теоретико-прикладной анализ данного явления, а лишь отметим, что цензуру принято понимать в двух значениях. С одной стороны, это функция государства, которая заключается в применении особого способа контроля за производством и распространением информации. С позиции культурологии, цензура может определяться как институт поддержания религиозных, нравственных, эстетических традиций [30, с. 12].

Отмечается, что в отечественной истории цензура, до её отмены существовала на протяжении приблизительно двух столетий. Датой её «официального» установления называют 15.01.1783 года, когда был принят Указ Екатерины II «О вольных типографиях» [30, с. 12].

В последующем цензура постоянно развивалась и изменялась. Не изменилась ситуация и в советский период истории России. Несмотря на то, что с изменением формации государственного строя, были изменены и многие государственные институты, цензура как способ реализации

государственной власти, к которой была «добавлена» пропаганда, успешно применялись в годы СССР.

Условно, историю развития отечественного законодательства о свободе слова и информации можно разделит на три этапа. Первый из них, это период существования Российской Империи, который начинается с момента официального установления цензуры и до распада Империи. Второй – это период существования СССР. И третий период – это период современной отечественной истории. В рамках настоящего параграфа подробно будут рассмотрены первые два из обозначенных этапов, поскольку третий («современный») характеризует уже текущий уровень правового регулирования и подлежит предметному исследованию в других структурных частях исследования.

Рассматривая период существования Российской Империи, необходимо понимать, что такие категории как свобода слова и информации практически не были известны в ту эпоху, что, однако, не относится к цензуре, которая как уже указывалось выше, была установлена в 1783 году указом Екатерины II. С указанного периода времени, свобода слова и информации также прошла несколько менее масштабных периодов. Для их подробной характеристики обратимся к диссертационному исследованию Р.И. Бурлакова, посвящённому правовому регулированию цензуры печати в России в XVIII - начале XX века [8, с. 16]. Учёный выделят три периода в указанном историческом промежутке:

1) XVI век - первая половина XVIII века;
2) вторая половина XVIII века - первая половина XIX века;
3) вторая половина XIX века - начато XX века [8, с. 16].

Рассмотрим каждый из них подробней.

XVI век - первая половина XVIII века. В 1782 году был принят Устав благочиния, которым фактически предусматривалось цензурное регулирование, которое законотворцем того времени рассматривалось как часть полицейской функции государства. В указанный период времени

государственная цензура находилась в ведении Министерства народного просвещения. Цензура как метод государственно-властной деятельности воспринималась как средство обеспечения государственной безопасности. Соответствующая деятельность в этот период времени носила характер административного усмотрения и само содержание цензуры («правил», которые запрещается нарушать) в законодательстве не закреплялось.

Р.И. Бурлакова отмечает, что «в XVIII в. все указы, касающиеся цензуры печати, носили, как правило, индивидуальный характер и не вводили цензуру как явление массового характера. Цели, задачи цензуры в законодательстве этого периода четко не определялись, но уже в XVIII веке законодательнопроводилось разделение светской, духовной цензуры, цензуры иностранных изданий» [8, с. 14].

Нормативные акты того периода можно разделить на три группы. Первая из них те, которые определяли требования к внутреннему содержанию печатных изданий, нормы которых были направлены именно на это. Основным нормативным документом такого характера является Сенатский Указ 5 октября 1720 г. Вторая группа законодательства определяла систему государственных органов уполномоченных на осуществление цензуры и их компетенцию. Это Регламент Святейшего Синода 1721 г., Указ 18.03.1742 г., Сенатский указ от 22.10.1796 г. и др. Третья группа законодательства регулировала порядок осуществления издательского (типографского) дела, в том числе, условия допустимости выпуска печатных изданий (Это Указ 04.10.1727 г., Указ 1771 г., 10.05.1773 г., 15.01.1783 г. и др.).

В целом, основными факторами цензуры в указанный период времени, как и в последствии, стали православная вера, монархия, существовавшие тот период ценности нравственного и морального характера. В качестве меры ответственности чаще всего применялась конфискация изданной печатной продукции и наложение штрафной санкции. Специальная норма в

законодательстве, которая предусматривала бы состав правонарушения в сфере цензуры, отсутствовала.

Вторая половина XVIII века - первая половина XIX века. Самой главной чертой данного периода является появление сравнительно тщательно разработанных цензурных уставов, совершенствование административных средств воздействия. Так свод положений об организации деятельности цензуры и принципов ее подхода к оценке сочинений был утвержден 9 июля 1804 года, который можно назвать первым отечественным цензурным уставом. В дальнейшем ведомственное регулирование цензурных отношений только усилилось. Была, например, частично введена так называемая «предварительная цензура», согласно которой, предварительному согласованию подлежали статьи по теме осуществления государственного управления. Согласование осуществлялось теми ведомствами к работе которых относилась статья.

В последствии, был принят Устав 1826 года, который, по мнению Р.И. Бурлаковой является одним из «наиболее интересных и содержательных исторических памятников цензурного законодательства» [8, с. 16]. Фактически имел место ещё один этап усиления административно-управленческого надзора в сфере цензуры (усиление цензуры). Содержание Устава носило в большей степени политизированный характер, необходимость его соблюдения существенно затруднило деятельность книгоиздателей, и значительно сузил доступ общества к информации. В последующем также был принят и Устав 1828 года, который принципиально не изменил положение дел в сфере цензуры.

Также в указанный период времени имела место следующая тенденция относительно содержания цензуры. Учитывая особенности монархического правления, содержание цензурной политики изменялось от настроения и пожеланий монарха, и, в связи с этим, содержащиеся в законах запреты, могли не применяться.

Отметим ещё одну особенность цензурного устава 1826 года. По данному уставу уже устанавливались конкретные дифференцированные меры ответственности авторов и цензоров. Механизм предварительной цензуры предполагал также перенесение мер ответственности с авторов, издателей и редакторов на цензоров, которые допустили соответствующее издание к печати.

Вторая половина XIX века-начало XX века. С 1862 года основным нормативным актом, регулирующим вопросы цензуры, являлись Временные правила о печати 12.05.1862 г. и 06.04.1865 г., которые долгое время выполняли роль цензурного устава. По мнению Р.И. Бурлаковой, причина по которым правовое регулирование цензурной детальности осуществлялось временными правилами, заключалось в наличии в тот период острой политической дискуссии относительно содержания правового регулирования цензурной детальности. Впервые была осуществлена попытка перейти к регулированию от принципа «установления ограничений» к принципу «свободы печати» и установления её ограничения в качестве исключений [8, с. 18].

В последующем Временными правилами 1865 года, была введена целая система мер административной ответственности, которая применялась к нарушителям цензурного законодательства. Те виды изданий, которые были освобождены от предварительной цензуры, подвергались мерам юридической ответственности после выявления соответствующих нарушений. В качестве исключения меры административной ответственности могли быть применены и к тем изданиям, которые перед выпуском продукции проходили предварительную цензуру.

Как известно, одним из переломных моментов истории России до 1917 года являлись события января 1905 года Результатом событий стало принятие 17.01.1905 года Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», содержание которого по сути противоречило

принятой на тот момент концепции цензуры, поскольку такое законодательство фактически отрицало свободу слова.

После этого, было принято новые Временные правила о печати от 24.11.1905 года, которые, фактически, впервые в отечественной истории, регулировали не цензуру печати, а порядок издательской деятельности, в котором устанавливались рамки свободы печати (хотя сам термин не употреблялся), за нарушение которых уже могла быть применена ответственность. Данным положением регулировалась деятельность периодической печати. Вопросы деятельности «непериодической»» печати приблизительно аналогичного содержания были урегулированы Указом от 26.04.1906 года. Важным моментом к установлению определённо свободы печати было отмена предварительной цензуры и внедрение исключительно судебной процедуры привлечения к ответственности взамен существовавшей ранее административной.

В последующем наблюдался некоторый «откат» от свободы слова и печати. В качестве предлога (необходимо признать, что небезосновательного) использовалась начавшаяся в 2014 году Первая мировая война [11, с. 15]. Так в Именном указе от 20.07.1914 года была введена так называемая военная цензура, а главнокомандующим отдельной армии предоставлялись полномочия по приостановлению изданий периодической печати [9]. Фактически институт «военной цензуры» был самостоятельным и не распространялся на цензуру в обычных условиях, не связанных с военным положением.

Вместе с тем, продолжало иметь место произвольное применение норм Указов и Временных правил 1905 и 1906 года соответственно, поскольку продолжало сохранять свою юридическую силу «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от14.08.1881 г., которые распространялись на всю страну и предоставляли в сфере цензуры государству фактически неограниченные полномочия. Кроме того, существовал и уголовная ответственность за нарушение требований в

сфере цензуры. Так, согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Акту 6 апреля 1865 г., Уголовному уложению 1903 г., отдельные, наиболее общественно опасные нарушения цензурного законодательства, наказывались денежными взысканиями, арестом и даже тюремным заключением.

Советский период. Следующий период в истории развития отечественного права на свободу слова и информации, который наступил после распада Российской Империи в 1917 году.

Социально-политическая ситуация в период существования временного правительства характеризовалась значительным запросом на либерализацию многих сфер жизни, в т.ч. свободы слова и информации. В связи с этим, 27.04.1917 года Временным правительством было принято Постановление «О печати». Согласно п. 1 данного постановления отмечалось о том, что применение мер административного взыскания к печати, а также к деятельности по торговле печати, не допускается) [451, с. 145-148]. Обращает на себя внимание, что вопреки определённым ожиданиям общества, всё-таки не была отменена цензура, а лишь были отменены меры юридической ответственности, применяемые к нарушителям законодательства о цензуре. Термин «цензура» в данном документе не упоминался вообще.

Однако своеобразный либеральный период запрета цензуры просуществовал не долго. Через половину года, 27.10.1917 года (04.11.1917 года), образованным после Октябрьской революции Совнарком РСФСР принял Декрет «О печати», согласно которого в отношении свободы печати употреблялся термин «либеральная ширма». При этом, в Декрете была употреблена норма-декларация о том, что в будущем всяческие административные воздействия на средства печати будут прекращены и для прессы и печати будет установлена полнейшая свобода, в пределах ответственности перед судом, на основании наиболее широкого и прогрессивного закона. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже большевиками после прихода к власти, при введении цензуры, была

нормативно закреплена норма-декларация о том, что цензура в будущем будет отменена. Тем самым, как-бы указывалось, что текущая довольно жёсткая цензура и фактически гонения на неугодную идеологически прессу, носит временный и вынужденный характер. Объясняется это, как представляется, опять же социально-политической обстановкой и ожиданиями общества, поскольку большевики сами только приблизительно за год до этого вышли из под «гнёта» царской цензуры, провозглашая во многом отрицание ранее существующих порядков, фактически вводили не менее требовательную цензуру.

Декрет, по своей сути, был репрессивным оружием, правовым средством при помощи которого осуществлялась борьба с инакомыслием и неугодным мнениями, поскольку за два месяца до конца 1917 года принудительно была прекращена деятельность более чем 150 газет. Была прекращена работа даже тех газет, содержание которых носило социалистическую направленность, однако не в полой мере соответствующее коммунистической идеологии [41, с. 50-71, 70]. Данный декрет просуществовал довольно длительно время и был отменён только в 1929 году. При этом, отмечается, что фактически данный декрет перестал применяться несколько раньше.

Важное значение для данного исторического этапа имеет вопрос организации цензуры, а именно государственных органов, к полномочиям которых были отнесено непосредственное осуществление предварительной и последующей цензуры. Главный орган по реализации государственной политики в сфере цензуры в стране был создан в 1919 год (Госиздат). К полномочиям данного органа относился контроль всего издательского процесса в государстве [30, с. 63]. Так, например, в декабре 1921 года был издан декрет регулирующий деятельность частных издательских предприятий, согласно которого последние были обязаны проходить предварительную цензуру в органах Госиздата (в качестве ещё одного варианта допускалось получение одобрение от губполитпросвета).

В последующем, 06.06.1922 года был издан один из наиболее значимых нормативных документов (Декрет) советского периода свободы слова и информации, согласно которого «в целях объединения всех видов цензуры печатных произведений учреждается Главное управление по делам литературы и издательства при Народном Комиссариате Просвещения и его местные органы при губернских отделах народного образования» [11, с. 16]. В последующем, деятельность Главлита получила новое нормативное регулирование в 1931 году с изданием специального Положения. Окончательно было утверждено, что ни одно издание не могло «увидеть свет» кроме как после прохождения предварительной цензуры в данном учреждении.

В последующем, законодательство о свободе слова и информации, в том числе о пределах их осуществления (цензуре) было относительно стабильно. Свобода слова была провозглашена формально, цензура существовала и активно применялась. Обращаясь к формальному закреплению право на свободу слова и информации в советском законодательстве, процитируем Ю.М. Батурину, который отмечает ряд норм, «закрепляющих принцип гласности в деятельности государственных органов и общественных организаций, судебных органов и т.д. (Конституция СССР – ст.ст.5, 9, 94, 157; Регламент Верховного Совета СССР – ст. 2, 18и др.; Закон о Совете Министров СССР – ст. 3; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1980 года «Об организации работы с наказами избирателей» – ст. 14; и т.д.)» [11, с. 16].

Определённое влияние на правовое регулирование свободы слова и информации оказало то обстоятельство, что 23.03.19976 г. СССР присоединился к Международному пакту о гражданских и политических правах, согласно которого каждому человеку гарантировалось право «свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными

способами по своему выбору» [40] (ст. 19). В связи с этим, в СССР начинается процесс разработки и подготовки различны законопроектов относительно регулирования деятельности средств массовой информации и издательского дела который, оказался весьма длительным, и, фактически, не был закончен до окончания советской эпохи.

Данный процесс длился более десяти лет и в конечном итоге в 1989 году был подготовлен «финальный» законопроект, который рассматривался почти два года и был принят 12.06.1990 года. Это был Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» [46]. Закон вступил в силу с 01.08.1990 года. Главные положения данного закона заключались в том, что был установлен принцип свободы массовой информации и запрете цензуры. Таким образом в первые в отечественной истории цензура была отменена, а свобода слова и информации получила наибольшие законодательные гарантии за весь период отечественной истории (не принимая во внимание современный период).

Таким образом, как отмечает С.А. Куликова в своём монографическом исследовании обращает на себя внимание что фактически цензура была отменена сравнительно недавно (приблизительно 30 лет тому назад). Так, 12.06.1990г. был принят Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», а в последующем – 27.12.1991 года Закон РФ «О средствах массовой информации». Окончательно, цензура была отменена с введением всем известно конституционного предписания с принятием в 1993 году Конституции РФ [30, с. 12].

Подводя итоги написания данного параграфа, отметим, что история развития отечественного законодательства в сфере свободы слова и информации насчитывает приблизительно 250 лет. Её «началом» является издание Указа Екатерины II 1783 года, которым устанавливались отдельные нормы о цензуре в книгопечатном деле. На протяжении длительного исторического периода законодательство в сфере свободы слова и информации необходимо характеризовать исключительно как «цензурное

законодательство», поскольку предмет правового регулирования законодателем рассматривался не как отношения по свободе слова и свободе получения и распространения информации, а как часть государственной политики по обеспечению внутренней безопасности государства, его устоев, а также общепринятых традиционных устоев общества. Объектом защиты цензуры в основном выступали идеологические основы монархической формы правления, государственно-управленческая деятельность, православие, устои морали и нравственности традиционного характера.

Цензура была разделена на предварительную и последующую. В большей степени применялась предварительная цензура. Конкретные меры ответственности за нарушение цензурного законодательства (составы правонарушений) были разработаны во второй половине 19 века. Субъектами ответственности выступали автор, издатель, редактор, цензор. Постепенно наблюдаюсь тенденция к усилению ответственности цензора. Применение ответственности носило исключительно административный характер.

Первые источники законодательства, в которых свобода слова и информации приобрела хоть какие то нормативные очертания, являлись Временные правила для периодических изданий 1905 года и Указ 1906 года регулирующий вопросы непериодических изданий. Впервые в отечественной истории, речь шла не о цензуре, а о законном порядке издательского дела с установлением определённых границ, запретов, за нарушение которых следовала юридическая ответственность, применяемая в судебном порядке. Однако, цензура не была устранена, а лишь незначительно ограничена.

В советский период, цензура возобновилась с ещё большей силой и существовала фактически до 1990 года, когда было задекларирована её отмена в Законе СССР «О печати и других средствах массовой информации». Начался новый «современный» этап в развития законодательства о свободе слова и информации.

1.2 Содержание и место права на свободу слова и информации в системе прав и свобод человека

Для начала определим место права на свободу слова в системе прав и свобод человека. Для этого обратимся к ст. 2 Конституции РФ, в которой сказано, что: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью...». Таким образом, Россия провозглашает себя именно правовым государством, а значит человек и его права и свободы являются главной ценностью такого государства. Также это позволяет утверждать о том, что перечисленные ценности являются главными, превалирующими над другими, поскольку они не получили своё отображение в продуцированной норме. В связи с этим, как отмечает Т.Н. Колмакова, «в современных демократических государствах признаётся и законодательно закрепляется право человека на свободное выражение своего мнения» [31, с. 57].

Право на свободу слова и информации провозглашено и закреплено в ст. 29 Конституции РФ. Согласно ч. 1 указанной нормы, «каждому гарантируется свобода мысли и слова». Согласно ч. 2 указанной нормы, «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Также, в соответствии с ч. 3 указанной нормы «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них».

Согласно ч. 4 указанной нормы «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом». Кроме того, согласно ч. 5 указанной статьи «гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается».

Среди отдельных учёных есть мнение о том, что свобода слова и информации необходимо охарактеризовать как право публичного характера. Например, С.А. Авакьян указывает то, что свобода слова связывает личную жизнь и индивидуальную свободу человека с его публичной жизнью, поскольку свобода слова и выражения мнений неизбежно приводит к их публичной, то есть общественной, огласке. Фактически, речь идёт о коллективных формах межличностного общения [3, с. 566].

Заслуживает внимание мнение Л.М. Большакова, который отмечает синтезирующий, фундаментальный характер права на свободу сова для обеспечения гарантий и реализации других прав. В подтверждение своей мысли учёный указывает на то, что, например, «невозможно быть избранным в органы власти, не имея возможности высказывать собственное мнение, нельзя реализовать право на объединение без публичного формулирования идеологии партии или движения, если отсутствует право открыто высказывать свои мысли, то теряется и смысл свободы собраний» [7, с. 65].

С данным утверждением необходимо согласиться и даже «расширить» его. Право на свободу слова и свободу распространение и получения информации (сформулировано в обобщённом виде), является важным условием и выступает гарантией защиты других прав и свобод в целом.

Например, имеет место нарушение любых из предусмотренных Конституцией РФ прав человека. Если в государстве реально действует режим свободы слова, то человек может огласить публичной допущенные факты нарушений. Предание таким фактам публичной огласки, как правило, служит достаточным для их устранения таких нарушений со стороны государственных чиновников. Кроме того, свобода слова находится в тесной взаимосвязи с многими другими гражданскими и политическими права, когда реализация одних, без наличия других, просто невозможна. Например, свобода слова, коррелируется и взаимно дополняет свободу собраний и свободу образования союзов (объединений граждан).

В подтверждение этого можно сослаться на М. Дженис, которые указывает на то, что Европейский суд по правам человека при рассмотрении дел о нарушения х права на свободу слова и информации «традиционно ссылается на ст. 11 (Свобода собраний и объединений) Конвенции как на производную по отношению к гарантии свободы слова, закрепленной ст. 10 Конвенции [19, с. .256].

Далее рассмотрим содержание права на свободу слова и информации. В первую очередь, необходимо отметить, что в научном сообществе существует спор относительно того, необходимо ли включать в право на свободу слова, ещё и право на информацию, а также о соотношении двух указанных категорий, их самостоятельности или производности в соотношении друг с другом. Рассмотрению данного вопроса будет уделено отдельное внимание.

Определения содержание права на свободу слова, обратимся к Т.Н. Колмаковой, которая характеризует его как право субъективное, которое «включает, прежде всего: свободу производить и искать информацию; свободу придавать информации форму сообщения; свободу передавать и распространять информацию; свободу использовать доступные каналы связи; свободу получать и расшифровывать передаваемые сообщения» [31, с .57].

Обращает на себя внимание позиция немецкого учёного К. Хессе, который отмечает, что для того, чтоб констатировать наличие реальной свободы слова в обществе, необходимо понимать, что право на выражение своего мнение является именно возможностью и может быть реализовано только по желанию носителя такого права, который, учитывая его диспозитивность (права) может и отказаться от его реализации [81, с. 197].

Между прочим, как и любая другая свобода, она не является безграничной. В международных документах, среди учёных практически любых взглядов в той или иной степени признаётся, что любая свобода имеет с вои пределы и может быть ограничена наличием интереса других индивидуальных субъектов или публичным интересов (интересом

большинства). Например, возможность отказа от передачи информации, ограничивается установленной в уголовном процессуальном законодательстве России обязанности свидетеля давать показания (более того, те показания, которые соответствуют действительности) [31, с. 58].

Право на свободу слова, свободу выражения мнения и распространения информации в качестве конструктивного элемента содержит право на свободу средств массовой информации. Данное право в части деятельности средств массовой информации может быть охарактеризовано и как свобода индивидуального характер и как свобода институционального характера, поскольку деятельность СМИ и всё, что с этим связано представляют собой, по сути, отдельный общественно-социальный и правовой институт. В основе такого института лежит право на свободу с лова и информации. В связи с этим, отдельное внимание необходимо уделить специфике содержания права на свободу слова и информации в части деятельности средств массовой информации.

Л.М. Большаков в обозначенном контексте отмечает, что право на свободу слова в отношении деятельности СМИ (как печатных, так и электронных), означает, что последние наделены возможностью обнародовать свои идеи, выражать политические взгляды и собственные точки зрения относительно происходящих событий, освещать и распространять новостные сообщения. Особе значение реализация права на свободу слова и информации приобретает в политических процессах, в период предвыборной агитации и в политических дебатах). В целом, свобода слова в СМИ в значительной степени уменьшает возможность произвола со стороны государственных чиновников и принятия последними решений, которые противоречат интересам общества и государства.

Значение СМИ как средств обеспечения доступа граждан к информации, а также как средства распространения информации заключается в том, что в современном обществе обмен информацией достиг наивысшего уровня за всю историю человечества и продолжает

увеличиваться. Стремительно увеличивается и размер (объём) информации, которая накапливается и постоянно «производиться» (создаётся).

Современному человеку довольно сложно разобраться в таком объёме информации, многие знания и факты теряют свою актуальность и обновляются за короткие промежутки времени. В связи с этим, человек и общество в целом, не смотря на всю критичность отношений к СМИ, вынуждены в большей степени ориентироваться именно на ту информацию, которая размещена в них. Именно этот фактор (фактор влияния на сознание людей, фактор доверия со стороны человека и общества) и указывает на высокую значимость СМИ как средства (способа) реализации и обеспечения права на свободу слова и информации [5, с. 64].

Такая категория, как свобода массовой информации может рассматриваться в «узком» и в «широком» смысле. Первый предполагает характеристику свободы массовой информации как конституционно-правовой принцип и соответствующее право. Более «широкий» подход предполагает понимание свободы массовой информации как правового режима. Во втором случае, кроме собственно права на получение информации, права на её распространение, в состав такого правового режима входит и обязанность удовлетворять законные запросы индивида и общества на предоставление такой информации.

Таким образом, свобода массовой информации как правовой режим включает в себя комплекс взаимосвязанных прав и обязанностей, ограничений, пределов и запретов, а также мер ответственности за их нарушение. И.Г. Фролова отмечает, что в отдельных зарубежных странах действует так называемый принцип «активной гласности». Его содержание заключается как в предоставлении информации по запросу участников общественных отношений, но и активное инициативное информирование органами государственной власти общества о процессах и обстоятельствах, которые находятся в центре общественного внимания [79, с. 8-9].

Также И.Г. Фролова приходит к выводу о целесообразности следующего нормативного определения свободы массовой информации в Законе РФ О» средствах массовой информации»: закрепленная в Конституции Российской Федерации и гарантированную российским законодательством возможность поиска, сбора, получения, хранения, обработки, создания, передачи, распространения социально значимой информации, предназначенной для неограниченного круга лиц, осуществляемую в индивидуальной или коллективной форме в пределах, указанных законом» [79, с. 10].

С данным определением и предложением вполне можно согласиться, однако с определённой оговоркой. Представляет необходимым дополнить данное определение указанием на то, что средствами такого поиска, сбора, получения, хранения и т.п. являются именно средства массовой информации (как печатные, так и электронные).

Далее отдельно рассмотрим такую существенную составляющую права на свободу слова и информации, как право на информации. Ранее уже отмечалось о существовании дискуссии относительно соотношения права на свободу с лова и право на информацию. Учитывая, что ст. 29 Конституции РФ, в которой закреплено рассматриваемое право, достаточно дифференцирована, имеет аж пять частей, представляется возможным нормативно разделить право на свободу слова и мысли и право на свободу информации.

Вместе с тем, оба рассматриваемых права учитывая своё родство как по сути, так и по содержанию, взаимосвязанность информационных вопросов, невозможность реализации друг без друга (например, не возможно говорить о свободе распространения информации, при отсутствии возможности её публично высказать, то есть реализовать право на свободу слова и т.п.), данные права могут рассматриваться как две составляющие одного явления – «права на свободу слова и информации».

Рассматривая содержание термина «право на информацию», необходимо отметить его дискуссионность. Непосредственное нормативное закрепление конституционного права на информацию имеется в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». При этом, как отмечает Т.В. Пашнина, законодательного закрепления обозначенного термина в отечественной правовой системе не имеется [49, с. 15].

В отечественной правовой доктрине существует понимание содержания права на информацию как: правовое притязание [15, с. 9-10], правовой презумпции свободы [73, с. 56], совокупности правомочий [82, с. 49-50] содержание которых состоит в поиске, получении, передаче, производстве и распространения сведений любым способом, не нарушающим закон, а также в защите информации. Отдельные учёные акцентируют внимание на двухэлементном содержании права на информацию (как соединение свободы информации и права на конфиденциальность) [6, с. 54].

Также существует понимание права на информацию как комплексного права, состоящего из совокупности отдельных прав, применение которых возможно как в комплексе, так и по отдельности. В связи с этим, например, согласно позиции Ю.И. Гришаева составляющими элементами комплексного права на информацию являются следующие права в информационной сфере:

- свобода публичного доступа к информации;
- право каждого на создание, владение, пользование и распоряжение информационными ресурсами;
- принципа информационной открытости деятельности государственных и муниципальных органов власти, как гарантии реализации права на информацию и соответствующего данному праву правомочия требовать;

– право на коммуникацию, которое является «новым правом социально-экономического характера» [17, с. 48-49].

Сторонниками «широкого» комплексного понимания права на информацию также выступают М.А. Погорелова [50] и С. Шевердяев [86].

Отдельными учёными выделяется такое свойство права на информацию как её связующая роль для реализации других основных прав и свобод человека и гражданина. Такую особенность выделяют М.В. Алексеева, которая, среди прочего, отмечает, что без получения надлежащей информации, невозможно полноценно реализовать конституционное право на выбор профессии, право на получение образования и т.п.[2, с. 16-19]. Э.В. Талапина, которая считает, что информация лежит в основе каждого конституционного права, а также в основе любого обязательства, любых прав и свобод в правоотношениях вообще[76].

Отдельное внимание в научной литературе уделяется также вопросам установления соотношения «права на информацию» и «права на доступ к информации». Существует две основных позиции. Первая из них заключается в том, что прав она доступ к информации является отдельным самостоятельным (самодостаточным) правом наряду с другими правам ив информационной сфере (свобода слова, свобода мысли, свобода печати и т.п.). В качестве сторонника данного подхода можно назвать А.А. Чеботарёва [82, с. 49-50]. Сторонники второго подхода понимают право на доступ к информации как производное от более «широкого» и охватывающего его понятия права на информацию. В таком случае, право на доступ к информации выступает как средство получения информации (информация может быть получена и из других источников, и посредством использования других правомочий) [76].

На наш взгляд, наиболее приемлемой представляется позиция Э.В. Талапиной, полагающей, что можно различать право на информацию как родовое понятие и право на доступ к информации как его разновидность, выделяемую по признаку способа «добывания» [29, с. 16]. Последняя

позиция, как представляется, наиболее рациональна. Кроме того, отнесение права на доступ к информации к более обширному комплексному конституционному праву на информации, которое, свою очередь, относится к ещё большему и значимому праву – «праву на свободу слова и информации» позволит структурировать и упорядочить понимание такого сложного явления, установив понятную «иерархию».

Подводя итоги написания данного параграфа необходимо отметить, что значение права на свободу слова и информации и его место в системе других прав и свобод человека и гражданином, заключается, что это право является комплексным, состоящим из множества других относящихся к информационной сфере наиболее значимых правомочий и гарантий.

Значение права на свободу слова и информации состоит в том, что только при его реальном воплощении в жизнь возможно достижения целей становления России как демократического государства, в котором человек и его права и свободы являются наивысшей ценностью. Кроме того, без реализации соответствующего права, не возможна полноценная реализация многих других важных конституционных прав и свободы: политических, экономических и социальных (право на получение информации о состоянии окружающей среды, право на образование, право на выбор профессии и т.п.).

В виду отсутствия законодательного определения права на свободу слова и информации, а также его составляющих (право на свободу слова, свободу мысли, право на информацию, право на доступ к информации), в науке существуют дискуссии относительно не только содержания данных терминов, но и их соотношения друг с другом, наличия в этих связях «подчинённости» и т.п.

Наиболее оптимальным и соответствующим отечественной правовой системе представляется понимание права на свободу слова и информации как фундаментального конституционного основополагающего права-принципа, которое состоит из двух основных прав, также имеющих «сложный» комплексный состав: право на свободу слова (состоит в свободе слова и

свободе мысли), и права на информацию (в содержание которого входят право на доступ к информации и другие информационные права перечисленные в ст. 29 Конституции РФ).

Право на свободу слова и информации является основным, неотъемлемым право личности в отечественной правовой системе, которое состоит из совокупности информационных правомочий (создание, поиск, получение, передача, распространение информации), а также обеспечения защиты информации и информационной безопасности личности и общества (защиты от информации), выступающее в качестве гарантии полноценной реализации всей системы прав и свобод человека и гражданина.

2Право на свободу слова и информации в Российской Федерации: понятие и правовое регулирование

2.1 Система конституционных гарантий реализации права на свободу слова и информации

Система конституционных гарантий реализации права на свободу слова информации представляет собой совокупность предусмотренных в Конституции положений и правил, которые создают необходимые условия для реализации любым из участников правоотношений, права на свободу слова и информации.

В свою очередь, учитывая специфику сложного «содержания» права на свободу слова и информации, гарантии реализации разных составляющих данного права, так же могут отличаться. Например, весьма различна специфика реализации права на свободу слова и информации для СМИ и для обычных граждан. Гарантии деятельности СМИ весьма отличаются от гарантий реализации права гражданина или организации на информацию.

В наиболее общем варианте гарантии реализации любого конституционного права, могут быть разделены на общие и специальные. Общие конституционные гарантии относятся ко всем без исключений правам человека и призваны гарантировать, способствовать их реализации. Специальные гарантии реализации права, это те, которые предусмотрены для конкретного права (в нашем случае, для права на свободу слова и информации).

В качестве основной общей гарантии реализации рассматриваемого права необходимо указать ч. 2 Конституции РФ, согласно которой, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства». Обратим внимание, что данная норма содержится в главе первой разделе первого Конституции РФ. А это значит, что в соответствии со ст. 16

Конституции РФ, данное положение являются составляющими основ конституционного строя государства и могут быть изменены только с применением особого установленного в Конституции РФ, порядка (ч. 1 ст. 16 Конституции РФ). При этом, установлено правило, согласно которого никакие другие положения Конституции РФ не могут противоречить положениям, согласно которого соблюдение и защита прав свобод человека является обязанностью государства [13, с. 119].

Таким образом, право на информацию и свободу слова представляет собой высшую ценность в нашем государстве, а государство обязано соблюдать, признавать и защищать данное право. Это положение позволяет обществу и каждому его участнику требовать от государства реализации непосредственных и действенных мер защиты как общего характера, так и применительно к конкретному случаю.

Отдельно обратим внимание на предусмотренные в Конституции РФ способы защиты права на свободу слова и информации. В первую очередь, это ст. 45, которая декларирует государственную защиту прав и свобод человека, а также предоставляет каждому право защищать предоставленные ему права любым способом, который прямо не запрещён законом. Гарантии государственной защиты обуславливают необходимость формирования государством действенного механизма защиты права человека на свободу слова информации. Такая защиты может носить как предупредительный характер (предотвращать нарушение права), так и характер негативной реакции государства на случившиеся факты нарушения права на свободу слова и информации, которые, в своём большинстве, в качестве конечного итога, должны проявляться в привлечении виновных лиц к предусмотренным мерам юридической ответственности [36, с. 55].

В развитие положения об обязанности государства защищать право на свободу слова и информации, в ст. 46 Конституции РФ предусмотрена гарантия судебной защиты прав и свобод каждого (ч 1), возможность обжаловать решения и действия или бездействия органов государственной

власти и других публичных субъектов, возможность обращения в межгосударственные органы по защите прав человека, при условии, что все другие возможности защиты права в государстве уже были исчерпаны [83, с. 84-85].

Не менее важной в связи с этим гарантией выступает право каждого получить квалифицированную юридическую помощь, в т.ч. в предусмотренных случаях, помощь адвоката (ст. 48 Конституции РФ). Юридическая помощь, среди прочего, может выражаться в форме предоставления правовой информации и других разъяснений, что является реализацией права на получение информации [74, с. 79-80].

В связи с возложением на государства обязанности защищать права и свободы человека и гражданина, необходимо указать на такие конституционные институты, как судебная власть и прокуратура. Первые обладают монополией на осуществление правосудия, а вторые призваны осуществлять надзор за соблюдением законности в государстве. Также важную роль должен играть и Президент государства, к задачам которых относится защиты прав и свобод граждан.

В качестве следующих общих гарантий необходимо указать положения статей 17-19 Конституции РФ, которые расположены в главе 2 Конституции РФ посвящённой правам и свободам человека и гражданина.

Так, следующей гарантией выступает то обстоятельство, что, согласно ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, государством признаются и гарантируются все права и свободы человека, в соответствии с «общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Данное утверждение имеет важное значение, поскольку создаёт необходимые условия для непосредственного применения при разрешении споров о праве и рассмотрении других дел таких норм и принципов.

Обращает внимание на то, что права и свободы гарантируются не только в соответствии с международными нормами и принципами, но и в соответствии с Конституцией, что вполне логично и обосновано. Однако,

необходимо понимать, что по своему содержанию и различным аспектам одни и те же права человека и гражданина, могут отличаться в их понимании и трактовке и понимании международными и отечественными правоприменительными органами. Это обстоятельство является предпосылкой известного конфликта, которые заключается в определении юридической силы Конституции как Основного закона государства и международных документов содержащих собственную трактовку прав и свобод человека, в частности Европейской конвенции по защите прав человека, Конвенции ООН 1948 года и последующих Пактов.

Так, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются частью правовой системы Росси. При этом, установлен приоритет положений международного договора, над законами (в случае противоречий). На первый взгляд, положения международных договоров должны иметь более высокую юридическую силу в сравнении с законами, но относится ли Конституция РФ к законам? Представляется, что нет.

Спорным также является вопрос о соотношении норм международных договоров и конституционных законов, поскольку федеральные конституционные законы обусловлены самой Конституцией и направлены на исполнение её отдельных положений. Такие конституционные законы являются как бы «прямым» продолжением и дополнением самой Конституции и, как известно, имеют более высший юридический статус в сравнении с другим федеральными тем более региональным законодательством.

Как известно, в 2015 году Конституционный Суд РФ принял прецедентное решение [58] (по крайне мере, таким оно было воспринято в юридическом сообществе), согласно которого, решения ЕСПЧ могут признаваться и исполняться на территории РФ, только при условии, что в последних были учтено верховенство Конституции РФ над нормами Конвенции. Данная ситуация в аспекте применения международных

стандартов защиты права на свободу слова и информации является проблемной и будет предметно рассмотрена в следующем параграфе.

Далее отметим, что, как и любое другое право, право на свободу слова и информации является неотчуждаемым и принадлежит человеку от рождения ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). Для реализации данного права не требуется совершение каких-либо формальностей или, например, достижения определённого возраста.

Однако в соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции РФ установлена универсальная гарантия, которая, одновременно, обозначает предел реализации права на свободу слова и информации и гарантии его реализации. Это конституционное предписание, согласно которому, «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Так, с одной стороны, оно может означать «предел» реализации права, например, в части охраны тайны личной жизни, информация о которой, по общему правилу, не может быть разглашена (ст.ст. 23, 24 Конституции РФ).

В свою очередь, вопросы охраны тайны личной жизни, а также возможности критики деятельности в отношении лиц, имеющих особый публичный статус несколько сужены в сравнении с обычным гражданином [33, с. 56-57]. Иными словами, в таком случае, право на тайну личной жизни и доброе имя (деловую репутацию), несколько ограничено гарантией общества и его участников реализовать своё право и законный интерес на получение информации, а также на осуществление критики (выражение мнения) в отношении такого лица.

Этот вопрос также выступает дискуссионным, особенно в части применения института диффамации. В дальнейшем при рассмотрении вопроса о защите права на свободу слова и информации, вопросы диффамации, в т.ч. судебная практика будут подробно рассмотрены.

Не менее важное значение имеет гарантия закреплённая в ст. 18 Конституции РФ. Согласно данной нормы, «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют

смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Во-первых, обозначенную нормы необходимо связывать со ст. 2 Конституции РФ, в которой закреплено, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека является задачей государства. В совокупности с положением ст. 18 Конституции РФ, такие права человека, в т.ч. право свободу слова и информации, является действующим непосредственно. Для того, чтобы человек реализовывал данное право не требуется принятие отдельных законов или подзаконных актов. Данное обстоятельство обязывает как государство, так и других участников отношений, по крайней мере, не препятствовать субъекту, который высказывает собственное мнение или распространяет, или получает информацию.

Следующей гарантией выступает установление равенства всех перед законом, гарантия равенства всех граждан и других участников правоотношений, в части реализации права на свободу слова и информации, вне зависимости от каких-либо причин (вне зависимости от принадлежности к полу, к расе, национальности, языкового признака и т.п.). Этот вывод следует из закреплённого в ст. 19 Конституции РФ принципа равенства всех перед законом и судом и запрета дискриминации. Ещё одна важная гарантия заключается в свободы выражения своего мнения и запрете заставить кого-либо выражать своё мнение (ч. 3 ст. 29 Конституции РФ).

Согласно ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, государство гарантирует свободу массовой информации. Данную гарантию необходимо рассматривать в своей совокупности с положениями ст. 34 Конституции РФ, которой предусмотрена свобода предпринимательства, а именно, использования своего имущества и способности в предпринимательстве и другой не запрещённой законом экономической деятельности. Представляется, что свободу слова в части СМИ будет способствовать на основании функционирования.

Среди специальных гарантий реализации права на свободу слова и информации, необходимо отметить, конечно же, ст. 29 Конституции РФ, в которой и закреплено рассматриваемое право. Положения данной нормы были рассмотрены подробно в разделе, посвящённом содержанию права на свободу слова и информации. В данном разделе, укажем, что особенной гарантией выступает запрет цензуры, которое предусмотрено ч. 5 ст. 29 Конституции РФ. Необходимо различать запрет цензуры и ограничения права на информацию и свободу слова.

Гарантии реализации права на свободу слова и информации ввиду специфики такого права, взаимосвязаны и с другими конституционными правами. Закрепление таких прав в Конституции РФ также необходимо признать в качестве гарантий реализации данного права.

Например, согласно ч. 1 ст. 26 Конституции РФ, гражданам предоставляется право указывать или отказаться от указания своей национальной принадлежности, никто не может быть принуждён к тому, чтобы указать свою национальную принадлежность, согласно ч. 2 которой, каждому предоставляется право на использование родного языка, а также на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Данные правомочия, предоставленные каждому, и в первом случае, связаны с правом распространять информацию о своей национальности или с отказом от её распространения. С пределами реализации права на информацию всех остальных, который, в данном случае, ограничен желанием человека сообщать или не сообщать информацию о своей национальности. Выбор языка общения, обуславливает то, в какой именно языковой форме информация будет распространяться.

Следующие гарантии информационных прав связаны с гарантией свободы совести, свободы вероисповедания, в т.ч. на возможность исповедования индивидуально или совместно с другими, любую религию или не исповедовать никакой другой. К такому праву также относится право на распространение религиозных взглядов и других убеждений. В аспекте

свободы слова и право на свободу информации, важное значение имеет гарантия на получение информации о религии, возможность свободно распространять свои религиозные взгляды, высказывать мнение поэтому. Фактически свобод распространения религиозных взглядов и право на получение информации о религии, религиозных взглядов является «частным» случаем право на свободу слова и информации, специфика которого связана с тем, что предметом такой информации выступают религиозные взгляды и убеждения, что составляет отдельную ценность с точки зрения общества и государства.

Не менее важной гарантией, которая способствует реализации свободы слова является гарантия собираться мирно, без оружия и проводить собрания, митинги и демонстрации, что предусмотрено ст. 31 Конституции РФ. В данном случае фактически предусмотрено право выражать своё мнение коллективно путём собраний в различных формах, что является одним из проявлений свободы слова.

Следующей гарантией реализации рассматриваемого права является предусмотренная ст. 33 Конституции РФ возможность каждому гражданину на личные и коллективные обращения в органы государственной власти и местного самоуправления. Данные обращения, с одной стороны, будут проявлением свободы слова, поскольку в таких обращениях гражданами может быть высказана их позиция (мнение) относительно любых имеющих значение вопросов или высказано предложение по совершенствованию деятельности определённого государственного органа. С другой стороны, в таких обращениях гражданин может запрашивать информацию держателем которой выступает соответствующий орган государственной власти.

Согласно ст. 42 Конституции РФ, каждому гражданину гарантируется возможность получения достоверной информации о состоянии окружающей среды. Такую информацию государство и органы местного самоуправления должны распространять в общем доступе самостоятельно, пи этом, любой желающий может запросить её посредством личного или коллективного

обращения. Данное положение также говорит о том, что информация об окружающей среде не может быть ограничена в возможности её распространения и получения, т.е. на неё не может быть наложен гриф секретности и другие ограничивающие её распространение правовые режимы.

Опосредовано способствует права на свободу информации в части её получение и закреплённое в ч. 1 и 2 ст. 43 Конституции РФ право на образование и гарантии общедоступного и бесплатного дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования. Как известно, обучение по своему содержанию может заключаться как в предоставлении информации (в большей степени), так и в развитии навыков. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что фактически Конституцией РФ установлена обязанность гражданина «получить информацию» в ходе получения обязательного уровня образования (обязанность обеспечить получения такой информации детьми возложена на родителей).

Важное значение для реализации свободы слова и свободы информации имеет положения ст. 44 Конституции РФ, которая гарантирует, свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Данное право имеет непосредственное отношение к свободе слова и информации и, по сути, является одной из форм их выражения. Отдельная регламентация свободы литературного, художественного и других видов творчества обусловлена спецификой данной сферы. Кроме того, В ч. 2 ст. 44 Конституции РФ каждому предоставляется право на доступ к культурным ценностям. Однородность информационных прав и прав, связанных со свободой творчества заключается в том, что обе сферы являются общепризнанным объектом цензуры в наиболее негативных её проявлениях. В связи с этим, запрет цензуры расположенной в норме регламентирующей информационные права, безусловно. Распространяется и на возможность свободы литературного творчества.

Специфическими гарантиям ив части свободы слова является предоставление возможности не свидетельствовать против самого себя, членов своей семьи и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ).

Отдельно в качестве гарантий реализации права на свободу слова и информации, необходимо указать чёткую регламентацию случаев, когда такие права и свободы могут быть ограничены и запрет даже временного ограничения определённых конституционных прав. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, не могут быть изданы законы, которые отменяют или умаляют права и свободы человека и гражданина [42, с. 5-6].

Однако, такие права могут быть не отменены, а ограничены, что предусмотрено ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Ограничение должно содержаться в федеральном законе и преследовать одну из следующих целей: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Кроме этого, временное ограничение права на свободу слова может быть установлено в период чрезвычайного положения, что следует из положений ст. 56 Конституции РФ.

Таким образом, спектр конституционных гарантий реализации права человека на свободу слова и информации весьма широк. В первую очередь, он заключается в том, что государство взяло на себя ответственность за признание, соблюдение и защиту любого права и свободы человека, в т.ч. права на свободу слова и информации. Данная обязанность обуславливает необходимость создания государством соответствующего механизма, которые должен обеспечивать необходимые условия для свободной реализации такого права, выявлении и предупреждении случаев посягательства на него, а, если такое право всё-таки было нарушено, предпринимать своевременные и действенные меры в целях его восстановления, и, при необходимости, привлекать к установленной юридической ответственности лиц, виновных в его нарушении.

В целях реализации такой обязанности, в государстве предусмотрена судебная система, которая обладает монополией на осуществление правосудия, в т.ч. в отношении государства, его органов и должностных лиц. В качестве других государственных органов, на которые возложена обязанность по защите прав и свобод человека является Президент РФ и прокуратура, выполняющая функцию надзора за законностью. К общим гарантиям защиты права на свободу слова и информации, также необходимо отнести право на получение квалифицированной юридической помощи, право на обращение в международные суды после исчерпания всех национальных возможностей по защите своих прав и свобод.

К специальным гарантиям реализации права можно отнести те, которые связаны с возможность свободно высказывать своё мнение, распространять и получать информацию. В этой связи важное значение имеет запрет цензуры, свободы религиозных убеждений и мнений, беспрепятственная возможность распространения религиозных взглядов, свобода литературного и художественного творчества, право на мирные собрания как способ коллективного выражения свободы мнений и слова, право на индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти и прочие.

Принципиально важное значение имеет положение о непосредственном действии прав и свобод, предусмотренных в Конституции и запрете их отмены или иного умаления.

2.2 Международные стандарты в сфере реализации и защиты права на свободу слова и информации и особенности их применения в Российской Федерации

В рамках данного параграфа будут разрешены задачи анализа основных международных стандартов в сфере защиты прав и свобод человека и разрешение проблемы их применения в Российской Федерации,

которая вызвана некоторым «конфликтом» отечественной правовой системы с международными судебными инстанциями.

Далее отметим, что анализ положений международных документов относительно определения содержания права ан свободу слова и информации уже рассматривался нами в предыдущих разделах данного исследования, в связи с чем, тут будут рассмотрены особенности понимания и трактовки положений международных актов, которые, как правило, содержатся в решениях по конкретным спорам.

В научной литературе отмечается, что отсутствие ограничений права на свободу слова и информации, реальное обеспечение его реализации является обязательным признаком демократического государствах [87, с. 45]. Эволюция данного права затрагивает длительный период и изначально нашли своё закрепление именно в нормах международных договоров. Первым и наиболее значимым документом является Устав ООН и Декларация прав и свобод человека и гражданина. Данная декларация не имела обязательного характера для государств участников, однако выражала их намерения и признание закреплённых в ней прав. В свою очередь, обязательным для государств-участников является принятая в 1950 году Европейская конвенция о правах человека. Данная конвенция, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, признаётся частью отечественной правовой системы. В связи с этим, в аспекте отражения международных стандартов права человека на свободу слова и информации, обратимся к позициям Европейского суда по правам человека, которые были изложены им в отдельных решениях.

При этом, отметим, что большая часть исследователей, на пример, Де Сальвия М., полагают, что на сегодняшний день Конвенция выступает наиболее авторитетным источником в вопросах толкования содержания прав и свобод человека, за годы постоянного применения её положений к спорам, закреплённые в ней права были «отшлифованы» и в настоящее время максимально точно и подробно регулируют соответствующие отношения

[20, с .342]. Этому способствовало положение ст. 32 Конвенции, согласно которой вопросы её толкования отнесены исключительно к компетенции ЕСПЧ а её понимание должно быть связано с практикой ей применения [37, с. 165].

Первый подход заключается в применении расширенного толкования положений ст. 10 Конвенции, которое выходит за рамки буквального толкования содержания правовой нормы, которая регулирует рассматриваемое нами право. В обоснование данного утверждения, приведём несколько примеров из практики ЕСПЧ. Так, в деле «Хендисайд против Великобритании», ЕСПЧ отметил, что свобода выражения мнения является основной опорой демократического общества и должна применяться не только в отношении информации и идей, которые воспринимаются обществом или государством с позитивной точки зрения, но и к той информации и к тем идеям, которые могут оскорбить, шокировать или внушить беспокойство государства или определённой части населения. Данный вывод исходит из основополагающих положений плюрализма, толерантности и либерализма, являющихся основой демократического общества [69].

Рассмотрение практики ЕСПЧ позволяет выдвинуть предположение о том, что свобода слова в большей степени понимается в т.ч. и как свобода коммуникации, поскольку предполагает не только возможность высказывать своё мнение но и делать это любым возможным (допустимым) способом. Данное предположение основано на нескольких прецедентных решениях, например, в одном из решений было указано, что свобода общения предполагает под собой также свободу выбора способа (формы) такого общения (в части выбора канала связи и сигнала для распространения информации).

В связи с этим, человек наделён правом распространять информацию как вербальным, так и невербальным способом, с применением различных образов (зрительных, звуковых и т.п.). В связи с этим, например, СМИ могут

самостоятельно выбирать о том, как именно им распространить информацию (в какой форме): интервью, фоторепортаж, издание статьи. В одном из дел, суд пришёл к выводу о том. Что ограничение в использовании средств коммуникации, ограничивает право человека на выражение своего мнения. Важное значение также приобретает позиция ЕСПЧ, согласно которой положения ст. 10 Конвенции распространяются не только на авторов информации, но и на любых других участников правоотношений. Свобода мнений принадлежит любому лицу, независимо от его статуса [35, с. 216].Это положение Суд повторил в деле Касадо Кока, но указал также, что статья 10 применима и «к информации коммерческого характера… и даже к легкой музыке и коммерческим объявлениям, транслируемым по кабелю» [71].

Это означает, что под защитой данной нормы находятся как журналисты и авторы произведений, так и издатели и любой другой человек, который реализует информационные права не обладаю профессиональным статусом в данной сфере.

Исходя из этого, можно сделать следующие промежуточные выводы:

1) ст. 10 Конвенции предусматривающая прав она свободу мысли и слова предполагает её расширенное понимание как право на свободную коммуникацию, на всех этапах такой деятельности: от момента создания или получения, до передачи и получения адресатами такой информации [16, с. 130];

2) в связи с расширенным пониманием данных норм Конвенции, последние обладают высокой степени гибкости в части применения к различным сферам общественных отношений, например, к свободе творчества, которая прямо не закреплена в Конвенции, но в силу правоприменительной практики ЕСПЧ подпадает под защиту ст. 10 Конвенции [10, с. 457-500];

3) Свобода мысли является комплексным понятием для целей применения ст. 10 Конвенции. В подтверждение этого, необходимо указать

на множество решений ЕСПЧ в котором, последний употребляет в качестве синонима для права на свободу слова («reedomofexpression») такие понятия, как «право, гарантированное статьей 10 Конвенции» («rightsecuredbyArticle 10 (art. 10) oftheConvention») или «пра-во, защищенное статьей 10 Конвенции» («therightprotectedbyArticle 10 (art. 10) oftheConvention») [26, с 157];

4) свобода слова в своём содержании предусматривает такие права, как право на свободу придерживаться мнений, право на свободу распространять информацию и свободу получать информацию и идеи [26, с.157]. Таким образом, согласно позиции ЕСПЧ такие права являются частью более общего права.

Далее рассмотрим существующие проблемы применения позиций ЕСПЧ в России. В правовой доктрине отсутствует единая концепция применения норм международного права на территории РФ (Гаврилов. В.В. подразделяет нормы на «самоисполнимые» и «несамоисполнимые» [15, с. 116]; Тиунов О.И. на основе ч.4 ст.15 Конституции РФ считает международные нормы обязательными нормами прямого действия), несмотря на кажущуюся однозначность основных практических следствий ч.4 ст.15 Конституции РФ: правоотношения, возникающие на территории РФ и/или с участием её субъектов, регулируются как российским законодательством, так и международно-правовыми нормами; практическая необходимость в приоритетном применении международно-правовых норм по отношению к нормам национального права РФ [75, с. 25].

Пленум ВС РФ в п. 10-15 Постановления от 10 октября 2003 года №5 [62] установил необходимость применения правовых позиций Европейского суда по правам человека. Эта позиция была также выражена в п. 4 в Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года №23 «О судебном решении»; п.1, п.9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 года №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и

юридических лиц». В эту копилку необходимо добавить Информационное письмо Высшего Арбитражного Су-да от 20 декабря 1999 года № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие», где арбитражные суды дают указания по соблюдению положений, сформулированных ЕСПЧ, которые направлены на защиту имущественных прав и права на правосудие.

В порядке реализации указанного Постановления федеральный законодатель дополнил ст. 101 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» частью второй, в соответствии с которой суд при пересмотре в случаях, установленных процессуальным законодательством, дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции РФ, обращается с запросом в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности этого закона [43].

Дальнейшее дополнение и развитие приведенные выше правовые позиции Конституционного Суда РФ нашли в его Постановлении от 14 июля 2015 г.№ 21-П [58], в котором Суд признал не противоречащими Конституции РФ взаимосвязанные положения различных законов, по которым у 93 депутатов Государственной Думы возникли сомнения относительно их конституционности, в связи с чем они и обратились с запросом в данный Суд. Такой вывод Конституционный Суд РФ обосновал, во-первых, тем, что данные положения по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования обеспечивают нормативную правовую основу функционирования Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации в качестве составной части ее правовой системы и

исполнения принимаемых на ее основе постановлений Европейского суда по правам человека, действующего в качестве субсидиарного межгосударственного судебного органа по конкретным делам в случаях, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства судебной защиты, и, во-вторых, тем, что они предполагают возможность обращения в Конституционный Суд РФ для решения вопроса об исполнимости противоречащего Конституции РФ постановления Европейского суда не только судов, рассматривающих конкретные дела, но и государственных органов, на которые возложена обязанность принимать меры, направленные на обеспечение выполнения международных договоров Российской Федерации, вне связи с каким-либо судебным делом.

Исходя из сказанного полагаем необходимым сделать вывод о том, что Европейский Суд по правам человека является хранителем положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950г. посредством вынесения решений на основе ее норм. Следовательно, совокупность ratiodesidentiподобных решений, формирующая прецедентное право, становится частью Конвенции. Данное положение значимо при анализе международных норм органами конституционного контроля в национальных системах [78, с. 159].

Действие решений Европейского Суда в отношении России и сущность его решений определены нормами Конвенции, Конституции РФ и федеральным законодательством. Подписав и ратифицировав Конвенцию, Россия приняла вытекающие из нее обязательства, в т.ч. и по выполнению решений Суда. С появлением Постановления № 5, у судов появилась обязанность принимать во внимание практику Европейского суда при вынесении решений по данной категории дел [63].

Кроме того, признание самим Европейским Судом наличия ratiodesidenti не во всех своих решениях говорит не в пользу концепции универсальной обязательности решений Европейского суда даже для конвенционных органов (например, Постановление Большой Палаты

Европейского суда по правам человека по делу В.М. Кононова и реакция на данное постановление Государственной Думы Российской Федерации)[47, 53]. Но при этом важно подчеркнуть, что признание обязательной силы решений Европейского Суда по правам человека как их свойства без разработанного и действующего механизма реализации решений Европейского Суда было бы ничтожно. Поэтому следует рассматривать обязательную силу решений Суда не только как свойство, но и как гарантию прав человека.

Как правило, Россия способствует обеспечению обязательности решений Европейского для российского национального права и правоприменительной практики, что наблюдается по ряду отраслей права. Например, Указ Президента РФ от 6.07.2010 № 836, уточняет в т.ч. механизм восстановления нарушенных прав. Методика осуществления мониторинга правоприменения в РФ [48]. предписывает при осуществлении мониторинга обобщать, анализировать и оценивать практику выполнения в том числе постановлений Европейского Суда.

Однако представляется, что знание только лишь положений Конвенции без практики ЕСПЧ недостаточно для ее правильного применения в национальных судах. Очевидно, что исходя уже из этих правовых положений законодатель и исполнительная власть в рамках обязательств по исполнению международных обязательств государств не могут руководствоваться исключительно своими усмотрениями в сфере регулирования отношений, которые возникают в течение реализации права на судебную защиту: они строго должны быть ориентированы на вырабатываемые ЕСПЧ по правам человека стандарты правосудия.

3 Механизм реализации и защиты права на свободу слова и информации

3.1 Система защиты права на свободу слова и информации

В рамках данного параграфа, необходимо отметить, что систему защиты права на свободу слова и информации составляют различные правовые институты. В первую очередь, это судебная, которая в силу Конституции РФ является единственным государственным органом, которое уполномочено осуществлять правосудие. Судами могут рассматриваться как уголовные дела в отношении лиц виновных в нарушении права на свободу слова и информации (например, противодействие журналистской деятельности и т.п.), так и гражданские связанные, например, с защитой чести и достоинства граждан, связанные с недостоверной публикацией диффамация). Кроме того, в систему защиты рассматриваемого права входят такие средства, как привлечение к соответствующей мере юридической ответственности это может быть уголовная, административная и гражданская ответственность) за различные нарушения права на свободу слова и информации.

В рамках данного параграфа, мы остановимся на одном из наиболее проблемных вопросов защиты данного права, который связан с рассмотрением судами дел о диффамации (о защите деловой репутации, чести и достоинства, которые были нарушены публикацией или высказыванием). Проблема в данном случае связана с тем, что судебная практика по такой категории дел как бы устанавливает предел реализации рассматриваемого права, что является исключительно важным в вопросе его защиты.

З.В. Каменева отмечает, что диффамация (защита опороченной чести и достоинства от недостоверной публикацией или высказывания) имеет распространение как в государствах Европы, так и в России. З такие

нарушения предусмотрена и уголовная и гражданская ответственность. При этом, законодательство континентальной Европы в этом вопросе более строго и предусматривает в качестве меры даже лишение свободы, хотя такая мера наказания назначается крайне редко [25, с .28].

Также, как отмечает З.В. Каменева диффамация может быть трёх видов. Первый из них это умышленная недостоверная диффамация. Второй – это неумышленная диффамация, а третий – распространение сведений, которые соответствуют действительности, однако, порочат деловую репутацию, честь и достоинство. Отмечается, что именно на первый вид диффамации и не может быть распространено действие права на свободу слова информации [25, с. .29].

Иски о диффамации, в которых ответчиками выступают СМИ довольно распространены в отечественной судебной практике, однако в вопросе анализа судебной статистики возникают проблемы, поскольку, отдельного статистического учёта по ним не ведётся. Существуют обрывочные данные, например, за 2014 и 2015 года, когда к отечественным СМИ было подано 573 и 682 иска соответственно [28, с. 15].

Далее рассмотрим непосредственно особенности правоприменения по данным категориям дел. В первую очередь, необходимо обратить внимание на Постановление Пленума ВС РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [63], в п. 10 которого отмечено, судам необходимо применять положения Конвенции по правам человека исключительно с учётом правоприменительной практики ЕСПЧ.

Дополняет данное разъяснение и другие Постановления ППВС РФ. Так, в Постановлении ППВС РФ от 24.02.2005 г. № 3 [62], которое посвящено особенностям рассмотрения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, также указывается, о правильности и обязательности учёта позиций ЕСПЧ по вопросу толкования содержания и применения

положений Конвенции по правам человека. Однако, не смотря на эти разъяснения встречаются случаи. Когда право на свободу слова и информации в судебных решениях существенно ограничивается.

Так, в ст. 25 отечественного ФЗ «О СМИ» которая посвящена порядку распространения информации, отсутствует в качестве основания для освобождения от ответственности распространения общественного мнения (высказываний представителей общества). В связи с этим, судебная практика пошла по пути оценивания сведений, публикованных как «ретрансляция» мнения общества на предмет их диффамационного характера.

В качестве примера можно указать на решение Судебной коллегия по гражданским делам Московского областного суда в деле № 33-18859/2012 по исковому заявлению гр. П. к Информационному агентству Шатунского района Московской области, которым была установлена диффамация (публикация недостоверных сведений, порочащих деловую репутацию, честь и достоинство), в части размещения сведения в рубрике «Ходят слухи» одной из местных печатных СМИ [65].

Таким образом, Суд пришёл к выводу о том, что СМИ обязано учитывать достоверность или недостоверность сведений, которые они публикуют, даже если последние были сообщены не ими. С другой стороны, возникает вопрос о том, что если такие сведения были опубликованы от имени конкретного лица, то последнее должно нести ответственность за достоверность сообщённых им сведений. Другая ситуация обстоят, когда источник таких сведений обезличен.

Рассмотрим следующий пример. ВАС Московского округа было рассмотрено дело № А40-7843/13-117-72. В качестве истца выступал ОАО «Акционерный банк «Пушкино», в качестве ответчика – Межрегиональное общественное движение «Согласие» о защите деловой репутации. В удовлетворении исковых требований было отказано [65].

Существо дела состояло в том, что ответчиком были опубликованы сведения, расположенные в рубрике «СЛУХИ» и изложение информации

начиналось со слов «Говорят, что…». Размещённые таким образом сведения посягали на деловую репутацию истца. Судебное разбирательство, по сути, сводилось к выяснению вопроса о том, были ли данные сведения выражением мнения субъективного характера или являлись утверждением об определённых обстоятельствах, как о факте. Суд, предпринял попытку выяснить, что же представляют из себя «слухи», в ходе чего пришёл к выводу о том, что слухи представляют собой интерпретацию событий в массовом сознании, зависит от фактора сложившегося менталитета и, в связи с этим, не могут быть проверена на предмет их действительности. Суд на основании таких рассуждений, отказал в удовлетворении исковых требований, придя к выводу о том, что не имело место распространение сведений, которые могут быть защищены в соответствии с ч. 1 ст. 152 ГПК РФ.

Данный вывод суда выглядит несколько спорным. Допуская, что отдельные слухи не могут быть проверены, хотя бы в силу того, что могут касаться событий, которые не могут происходить в реальности, необходимо констатировать, что отдельные события могут быть подтверждены или опровергнуты, например, органами государственной власти или муниципальными органами и т.п. Представляется, что правильным будет рассматривать возможность проверки опубликованных слухов в каждом конкретном случае.

Обратимся к позиции ЕСПЧ по данному вопросу. В 2007 году данным судом было вынесено прецедентное решение по аналогичному спору с участием российского гражданина. Группа журналистов написала открытое письмо, в котором были выдвинуты обвинения в адрес местных органов государственной власти в экономическом упадке и в коррупционных проявлениях. Отдельные должностные лица администрации обвинили журналистов в клевете и выиграли иски о диффамации в отечественных судах. Журналисты обратились за защитой права на свободу слова в ЕСПЧ, согласно выводу которого, было установлено нарушение права журналистов

на свободу слова. Дело в том, что в самом письме объект критики журналистов не был персонифицирован, а критика имела место в адрес государственного органа в целом. В связи с этим, было установлено нарушение прав человека на свободу слова и информации [59].

Таким образом, позиция ЕСПЧ заключаются в том, что диффамация объектом которой являются субъекты, действующие в политической или административной сфере, и которая носит, либо неумышленный, либо достоверный характер не подлежит ограничению со стороны государства, а в противном случае, является посягательством на свободу слова. В целом, необходимо констатировать, что ЕСПЧ осуществляется последовательное отстаивание позиции о том, что объекты внимания в политической, государственной и общественной сфере, должны иметь больше терпимости, чем другие граждане в части критики, которая связана с их публичной деятельностью.

При этом, такую позицию не правильно воспринимать как нераспространение или частичное нераспространение ч. 2 ст. 10 Конвенции по правам человека на политических и государственных деятелей. Положения данной нормы позволяют защитить и их деловую репутацию, честь и достоинство. Безусловное основание для защиты чести и достоинства любого политика, государственного или общественного деятеля является вмешательство в его личную жизнь. Однако, в вопросе общественной, политической или государственной деятельности имеет место баланс личных и общественных интересов, который устанавливает несколько иные пределы реализации права на защиту деловой репутации, чести и достоинства и права на свободу слова и информации (прежде всего, в части реализации права на свободное высказывание своего мнения).

Как отмечает А.К. Соболев, в первой половине 2000-х годов отечественная судебная практика шла по пути ограничения свободы выражения мнений в части высказываний оценочного характера, которые не могут быть подтверждены объективно в адрес политиков, государственных

управленцев общественных деятелей. Неоднократно выносились решения, обязывающие журналистов, опровергать высказанные им оценочные мнения [72, с. 29-31].

Уже в этот период времени, ЕСПЧ выносила решения, которым признавала такие случаи нарушением права на свободу слова. В качестве примеров, приводятся решения ЕСПЧ от 31.07.2007 г. первое - по делу «Дюлдин и Кислов против России», второе - по делу «Чемодуров против России» [72, с .31]. По мнению ЕСПЧ в таких делах имеет место не оскорбление а диффамация и о том, что пределы дозволенной критики в отношении политических и государственных деятелей расширены по сравнению с обычными гражданами. В связи с чем, свобода слова информации предоставляет каждому человеку возможность распространения не только той информации, достоверность которой он может подтвердить или той. Которая может быть объективно подтверждена), а и информацию, которая носит сомнительный характер, а также отстаивать идеи и суждения сомнительного характера, высказывать мнения, которые другими лицами или обществом могут быть восприняты как шокирующие или оскорбляющие.

Отдельного внимания заслуживает вопрос соотношения права на свободу слова и информации и уголовной ответственности за клевету. По мнению ЕСПЧ применение уголовной ответственности как средство защиты деловой репутации, чести и достоинства в большинстве случаев служит цели незаконного преследования и оказания давления на лицо, которые воспользовалось правом на свободу слова. Наличие законной цели и основания является условием допустимости уголовного преследования, при этом, предоставление дополнительной уголовно-правовой защиты государству и политическим деятелям не может быть обоснованным.

Такие позиции ЕСПЧ основаны на решениях по делам носящих прецедентный характер. В первую очередь это дело Лингенс против Австрии [70], согласно которого ЕСПЧ пришёл к выводу о том, что уголовное преследование по обвинению в диффамации в публичной сфере, ущемляет

его права на свободу слова и информацию, лишает возможности принимать участие в политической дискуссии.

Тоже самое относится и к случаям обсуждения других не представляющих политический характер проблем, однако, характеризующихся значительным общественным интересом. В качестве примера, можно указать на прецедентное решение ЕСПЧ По делу Торгер Торгенсон против Исландии. Существо спора заключалось в том, что полиция обвинила журналиста в клевете в связи с тем, что последний высказывал критику в части, по его мнению, чрезмерной жестокости полицейских. ЕСПЧ разрешал вопрос о том, что является более ценным: репутация государственного органа или возможность высказывать мнение относительно проблем, представляющих значительный общественный интерес, и склонился в пользу последнего. При этом в качестве других примеров таких «проблем», суд указал на коррупцию, вопросы отправления правосудия и т.п. [60].

Следующая позиция ЕСПЧ относительно возможности ограничения права на свободу слова связана с установлением надлежащего баланса между установленной в ч. 2 ст. 10 Конвенции по правам человека возможности ограничить данное право и возможностью проведения целостной дискуссии, в которой выражается оспариваемая позиция одного из её участников. ЕСПЧ пришёл к выводу о том, что наличие в законодательстве государства оснований для привлечения лица к ответственности за высказывание своего мнения в дискуссии, Позволяет создать условия, при которых участники дискуссий будут опасаться высказывать свои мнения и предположения, что негативно скажется на содержании самой дискуссии, которая, в результате этого, потеряет свою целостность. Таким образом, при наличии чрезмерных и запутанных ограничений, граждане могут быть «напуганы» возможностью привлечения к ответственности за любое необдуманное высказывание. Примером такой позиции является прецедентное решение, вынесенное по делу Барфорд против Дании, в котором [61].

Следующим «конфликтным» моментом защиты права на свободу слова и информации, является её «столкновение» с правом объекта информации на «приватность» (ориг. privacy). Данный термин является обобщающим и в юридическом значении представляет собой как «право на уважение частной жизни лица, его дома и корреспонденции». Как на международном уровне, так и на национальном, право на приватность признаётся одним из фундаментальных прав человека. Вопрос о приватности имеет значение не только тогда, когда, например, журналист стремиться получить информацию о каком-либо объекте (гражданин, общественный или политический деятель), но и когда речь идёт о необходимости соблюдать конфиденциальность в отношении источника, из которого была получена информация. Довольно часто при проведении журналистских расследований на тему криминала, коррупции, злоупотреблений при осуществлении государственного управления, многие источники информации, соглашаются её предоставлять только при условии сохранения данных о них в конфиденциальности, т.е. реализуют своё право на приватность.

Как известно, в России, согласно п. 3 ст. 17 Конституции РФ, указано, что реализация человеком своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц. Данные конституционные положения относятся и к праву на свободу слова информации. В связи с этим, Постановление ПВС РФ по вопросам судебной практики о защите чести, достоинства и деловой репутации [63] содержит ссылку на необходимость обеспечения равного баланса между обоими обозначенными конституционными правами. Пленум ВС РФ по вопросам практики применения законодательства о СМИ [64], также обращает внимание на необходимость обеспечения баланса и равновесия между двумя обозначенным правами.

Представляется, что в этом аспекте отечественная правовая система во многом сходна с международными стандартами в данной сфере. При рассмотрении исков о диффамации, защита права на свободу слова и информации связана с определением того, предела, до которого возможна его

реализация. Этот предел неизбежно связан с ограничением прав и свобод других участников информационных отношений. Наиболее спорные и конфликтные вопросы защиты права на свободу слова и информации возникают при реализации данного права в части критики органов государственной власти, политических и общественных деятелей, государственных служащих, а также сбора и распространения информации относительно частной жизни различных участников общественных отношений.

3.2 Направления совершенствования гарантий защиты права на свободу слова и информации

В данном параграфе, будет рассмотрено такое направление совершенствования защиты права на свободу слова и информации как совершенствование отечественного правового механизма применения стандартов и правил Конвенции о правах человека в отечественной правоприменительной практике.

В целом необходимо отметить, что единая и общепринятая концепция применения на территории РФ правил международного права, в отечественной науке отсутствует. Например, В.В. Гаврилов, выделяют нормы, которые именует как «самоисполнимые» и «несамоисполнимые» [14, с .116];. Согласно позиции О.И. Тиунова нормы международного права имеют прямое действие и являются обязательными для исполнения, частью правовой системы [75, с.25]. При этом, если толковать ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «изолировано» от других положений отечественного законодательства, то закономерно предположить, что правоотношения внутри российского государства регулируются как отечественными нормами права, так и международными договорами, при этом, в случае, конфликта приоритет должен быть отдан именно международно-правовым нормам.

Ранее в предыдущих разделах нами уже рассматривались положения различных постановлений Пленумов ВС РФ, в которых указывалось на необходимость учётами судами при разрешении дел положений Конвенции по правам человека, во взаимосвязи с прецедентной практикой данного суда.

В связи с этим, логично заключить, что в отечественной правовой системе существует механизм реализации и воплощения «в жизнь» международных стандартов, который воплощается в принятии судами решений по конкретным индивидуальным спорам. Первый случай ссылки на решение ЕСПЧ имел место в 1999 году в Постановлении КС РФ № 16-П в деле о проверки конституционности п. 3 ст. 17 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях». Жалоба была подана Религиозным обществом «Свидетели Иеговы» и Религиозное объединение «Христианская церковь прославления». В данном решении КС РФ сослался на постановления ЕСПЧ от 25.05.1993 г. и 26.09.1996 г., однако, не раскрывает их содержание и конкретные положения, на которые он ссылался.

Д. Раушнинги В.Н. Русинова обращают внимание на то обстоятельство, что для отечественных судов являются обязательными не только позиции ЕСПЧ, которые были им высказаны по делам в отношении нашего государства, но и позиции ЕСПЧ по другим делам, которые носят прецедентный характер. При этом, высшие судебные инстанции сами используют такие толкования и призывают их использовать суды более низших инстанций [67, с. 68].

В качестве противоположного мнения можно указать на позицию В.Д. Зорькин. По мнению последнего, наиболее правильным и рациональным в данном случае будет применение германского опыта (он же, германский прецедент), который заключается в том, что высший суд Германии утвердил принцип государственного суверенитета и независимости от практики ЕСПЧ, которая была им применения при рассмотрении конкретного дела. В применении данного принципа находит своё отражение государственный

суверенитет и приоритет Конституции как основного закона любого государства над любым другим источником права [22].

Комментируя данную позицию, необходимо отметить, что КС РФ в своих решения фактически придерживается той же позиции. Это представляется вполне закономерным и логичным поскольку В.Д. Зорькин является многолетним председателем КС РФ. Иными словами, позиция КС РФ также вполне идентична позиции КС Германии. Однако, принцип приоритета Конституции и государственного суверенитета не отменяет обязательство по приведению в исполнение решений ЕСПЧ. Принцип обязательности решений ЕСПЧ в России сам по себе не противоречит принципу государственного суверенитета.

Так, в соответствии с Постановлением КС РФ от 26.02.2010 г. № 4-П [56], в отечественном процессуальном законодательстве предусмотрен механизм пересмотра любых принятых отечественными судами решений, если по таким делам, впоследствии, ЕСПЧ будет установлено нарушение прав и свобод человека предусмотренных Конвенцией по правам человека. Данный механизм по мнению КС РФ соответствует положениям ст.ст. 19,46, 118 Конституции РФ.

Более того, КС РФ в одном из последующих своих решений обратил внимание на то, что возможность пересмотра решения отечественного суда на основании решения ЕСПЧ даже тогда имеет место, когда в ходе прохождения отечественных судебных инстанций, заявитель обращался в КС РФ, но его вопрос не был рассмотрен судом (признан таковым, который не подлежит рассмотрению в КС РФ). Данная позиция содержалась в Постановлении КС РФ от 06.12.2013г. № 27-П [57].

В данном решении КС РФ сформировал ещё одну правовую позицию. Согласно данной позиции, суд общей юрисдикции, которому надлежит рассмотреть дело по вновь открывшимся обстоятельствам, придёт к выводу о том, что решение ЕСПЧ противоречит отечественного закону, который ранее проверялся КС РФ на предмет соответствия Конституции РФ, однако

нарушений прав и свобод выявлено не было, то такой суд общей юрисдикции вправе повторно обратиться в КС РФ с данным вопросом. Иными словами, установлена возможность пересмотра решения КС РФ повторно с учётом толкования положений Конвенции по правам человека в новом решении ЕСПЧ в отношении России.

Предоставление возможности повторно рассмотреть вопрос о конституционности положений отечественного закона, положения которого противоречат решению ЕСПЧ, связан с необходимостью формированию единообразной судебной правоприменительной практик. В противном случае, может сложиться, ситуация, когда один отечественный суд примет решение по делу в соответствии с решением ЕСПЧ, однако в противоречии с нормами отечественного законодательства. Одновременно с этим, другие суды общей юрисдикции по другим делам этой же категории, будут принимать решения, основываясь, среди прочего, на результатах, изложенных в решениях КС РФ, однако эти решения идут «в разрез» с решением ЕСПЧ по конкретному делу. Таким образом, возникнет противоречивая судебная практика.

В целях заблаговременного предотвращения возникновения подобных ситуациях и предусмотрена обязанность суда общей юрисдикции обратиться, даже если это надо, то повторно. В КС РФ с вопросов о проверки отечественного закона на предмет соответствия Конституции РФ. С другой стороны, это означает, что, если КС РФ будет установлено противоречие решения ЕСПЧ Конституции РФ, которая обладает наивысшей юридической силой в России, то решение ЕСПЧ не подлежит применению. Данные полномочия КС РФ были оформлены в виде дополнения в ст. 101 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» [43].

Необходимо также констатировать, что, не смотря на тенденцию отстаивания в решениях КС РФ государственного суверенитета, КС РФ всё-таки, отстаивает конституционность положений процессуального отечественного законодательства, которое позволяет применять положения

Конвенции в её взаимосвязи с практикой ЕСПЧ. В частности, речь идёт о Постановлении КС РФ от 14.07.2017г.№ 21-П [58].

Таким образом, из приведённых положений Конституции РФ, Конвенции, постановлений КС РФ и Пленумов ВС РФ следует однозначный вывод о том, что именно ЕСПЧ является «хранителем» положений Европейской конвенции по правам человека. Данный статус находит своё непосредственное проявление в вынесении решений по конкретным делам, которые могут носить прецедентный характер. Согласно позиции Р. Уолкера, «данное положение значимо при анализе международных норм органами конституционного контроля в национальных системах» [78, с. 159].

Подводя итог проведённом анализу, также необходимо констатировать, что решения ЕСПЧ не обладают универсальной обязательностью для России, как и для многих других государств-участников Конвенции по правам человека. В данном случае имеется в виду возможность исполнения решений ЕСПЧ на прямую, без задействования специально разработанного для этих целей правового механизма в рамках конкретной правовой системы.

В качестве примера можно указать на Постановление Большой Палаты Европейского суда по правам человека по делу В.М. Кононова и реакция на данное постановление Государственной Думы РФ [47]. В данном письме представители ГД РФ выражали свое несогласие с принятым решением и высказывались о его политической мотивированности, не соответствии общепризнанным нормам и принципам международного права. Именно такие и другие подобные обстоятельства послужили предпосылками для окончательного утверждения в решениях КС РФ государственного суверенитета «в лице» Конституции РФ над теми решениями ЕСПЧ, которые противоречат ей. Однако, в остальной част решений, которая, несомненно, составляет абсолютное большинство из принимаемых ЕСПЧ решений, для их применения в России был создан специальный правовой механизм.

Важным элементом такого механизма, среди прочего, выступает мониторинг правоприменения, методика проведения которого была

утверждена Указом Президента РФ от 6.07.2010 № 836 [48]. Одним из правил мониторинга является работа по обобщению, анализу и оценки практики выполнения постановлений ЕСПЧ.

Таким образом, действие решений ЕСПЧ в отношении РФ и сущность его решений определены нормами Конвенции, Конституции РФ и федеральным законодательством. Подписав и ратифицировав Конвенцию, Россия приняла вытекающие из нее обязательства, в т.ч. и по выполнению решений ЕСПЧ. С появлением Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», у судов появилась обязанность принимать во внимание практику ЕСПЧ при вынесении решений по данной категории дел.

Вместе с тем, с 2015 года, когда принцип примата Конституции РФ и государственного суверенитета в целом, над решениями ЕСПЧ получил своё наиболее отчётливое проявление и до настоящего момента, по данному поводу возникают различные кривотолки в обществе, в том числе, попытки использовать данную ситуацию в политических целях, а также продолжают иметь место научные дискуссии на этот счёт. Если последние являются неизбежностью и даже полезны, потому что только в «споре рождается истина», то первые вредны и по сути заключаются в манипулировании юридическими аспектами проблемы взаимодействия норм международного и национального права.

В связи с этим, представляется, что существенным направлением дальнейшего развития гарантий защиты права на свободу слова в России будет являться разработка и внедрение детального правового механизма исполнения решений ЕСПЧ.

Заключение

История развития отечественного законодательства в сфере свободы слова и информации насчитывает приблизительно 250 лет. Её «началом» является издание Указа Екатерины II 1783 года, которым устанавливались отдельные нормы о цензуре в книгопечатном деле. На протяжении длительного исторического периода законодательство в сфере свободы слова и информации необходимо характеризовать исключительно как «цензурное законодательство», поскольку предмет правового регулирования законодателем рассматривался не как отношения по свободе слова и свободе получения и распространения информации, а как часть государственной политики по обеспечению внутренней безопасности государства, его устоев, а также общепринятых традиционных устоев общества. Объектом защиты цензуры в основном выступали идеологические основы монархической формы правления, государственно-управленческая деятельность, православие, устои морали и нравственности традиционного характера.

Исторически сложилось так, что цензура была разделена на предварительную и последующую. В большей степени применялась предварительная цензура. Конкретные меры ответственности за нарушение цензурного законодательства (составы правонарушений) были разработаны во второй половине 19 века. Субъектами ответственности выступали автор, издатель, редактор, цензор. Постепенно наблюдаюсь тенденция к усилению ответственности цензора. Применение ответственности носило исключительно административный характер.

Первые источники законодательства, в которых свобода слова и информации приобрела хоть какие-то нормативные очертания, являлись Временные правила для периодических изданий 1905 года и Указ 1906 года, регулирующий вопросы непериодических изданий. Впервые в отечественной истории, речь шла не о цензуре, а о законном порядке издательского дела с установлением определённых границ, запретов, за нарушение которых

следовала юридическая ответственность, применяемая в судебном порядке. Однако, цензура не была устранена, а лишь незначительно ограничена. В советский период, цензура возобновилась с ещё большей силой и существовала фактически до 1990 года, когда было задекларирована её отмена в Законе СССР «О печати и других средствах массовой информации». Начался новый «современный» этап в развития законодательства о свободе слова и информации.

Значение права на свободу слова и информации и его место в системе других прав и свобод человека и гражданином, заключается, что это право является комплексным, состоящим из множества других относящихся к информационной сфере наиболее значимых правомочий и гарантий. Значение права на свободу слова и информации состоит в том, что только при его реальном воплощении в жизнь возможно достижения целей становления России как демократического государства, в котором человек и его права и свободы являются наивысшей ценностью. Кроме того, без реализации соответствующего права, не возможна полноценная реализация многих других важных конституционных прав и свободы: политических, экономических и социальных (право на получение информации о состоянии окружающей среды, право на образование, право на выбор профессии и т.п.).

В виду отсутствия законодательного определения права на свободу слова и информации, а также его составляющих, в науке существуют дискуссии относительно не только содержания данных терминов, но и их соотношения друг с другом, наличия в этих связях «подчинённости» и т.п.

Наиболее оптимальным и соответствующим отечественной правовой системе представляется понимание права на свободу слова и информации как фундаментального конституционного основополагающего права-принципа, которое состоит из двух основных прав, также имеющих «сложный» комплексный состав: право на свободу слова (состоит в свободе слова и свободе мысли), и права на информацию (в содержание которого входят

право на доступ к информации и другие информационные права перечисленные в ст. 29 Конституции РФ).

Право на свободу слова и информации является основным, неотъемлемым право личности в отечественной правовой системе, которое состоит из совокупности информационных правомочий, а также обеспечения защиты информации и информационной безопасности личности и общества (защиты от информации), выступающее в качестве гарантии полноценной реализации всей системы прав и свобод человека и гражданина.

Спектр конституционных гарантий реализации права человека на свободу слова и информации весьма широк. В первую очередь, он заключается в том, что государство взяло на себя ответственность за признание, соблюдение и защиту любого права и свободы человека, в т.ч. права на свободу слова и информации. Данная обязанность обуславливает необходимость создания государством соответствующего механизма, которые должен обеспечивать необходимые условия для свободной реализации такого права, выявлении и предупреждении случаев посягательства на него, а, если такое право всё-таки было нарушено, предпринимать своевременные и действенные меры в целях его восстановления, и, при необходимости, привлекать к установленной юридической ответственности лиц, виновных в его нарушении. В целях реализации такой обязанности, в государстве предусмотрена судебная система, которая обладает монополией на осуществление правосудия, в т.ч. в отношении государства, его органов и должностных лиц.

В качестве других государственных органов, на которые возложена обязанность по защите прав и свобод человека является Президент РФ и прокуратура, выполняющая функцию надзора за законностью. К общим гарантиям защиты права на свободу слова и информации, также необходимо отнести право на получение квалифицированной юридической помощи, право на обращение в международные суды после исчерпания всех национальных возможностей по защите своих прав и свобод.

К специальным гарантиям реализации права можно отнести те, которые связаны с возможность свободно высказывать своё мнение, распространять и получать информацию. В этой связи важное значение имеет запрет цензуры, свободы религиозных убеждений и мнений, беспрепятственная возможность распространения религиозных взглядов, свобода литературного и художественного творчества, право на мирные собрания как способ коллективного выражения свободы мнений и слова, право на индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти и прочие.

Знание только лишь положений Конвенции без практики ЕСПЧ недостаточно для ее правильного применения в национальных судах. Очевидно, что исходя уже из этих правовых положений законодатель и исполнительная власть в рамках обязательств по исполнению международных обязательств государств не могут руководствоваться исключительно своими усмотрениями в сфере регулирования отношений, которые возникают в течение реализации права на судебную защиту: они строго должны быть ориентированы на вырабатываемые ЕСПЧ по правам человека стандарты правосудия.

Отечественная правовая система во многом сходна с международными стандартами в данной сфере. При рассмотрении исков о диффамации, защита права на свободу слова и информации связана с определением того, предела, до которого возможна его реализация. Этот предел неизбежно связан с ограничением прав и свобод других участников информационных отношений. Наиболее спорные и конфликтные вопросы защиты права на свободу слова и информации возникают при реализации данного права в части критики органов государственной власти, политических и общественных деятелей, государственных служащих, а также сбора и распространения информации относительно частной жизни различных участников общественных отношений.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апряткина Г.С., Кислицын Е.Г., Защита деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Закон. 2017. №7. С.15-20.

2. Алексеева М.В. О проблемных вопросах реализации конституционного права на информацию как одного из основных прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 16-19.

3. Авакьян С.А. Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян. - М.: Юс-тицинформ, 2015. 640 с.

4. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда по делу № 33–18859/2012 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система.

5. Большаков Л.М. Значение конституционной свободы слова для реализации прав и свобод человека, развития гражданского общества и правового государства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 62 – 67.

6. Башаратьян М.К. Система конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в сфере деятельности средств массовой информации: дис. ... канд. юрид. наук / М. К. Башаратьян. - М., 2007. 205 с.

7. Бачило И.Л. Информационное право: учебник / И. Л. Бачило, В. Н. Лопатин, М. А. Федотов. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 89 с.

8. Бурлакова Р.И. Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII - начале XX века : автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Рос. акад. правосудия. - Москва, 2004. 26 с.

9. Бурлакова Р.И. «Полиция печати» в системе полицейского права в XIX – н. XX вв. URL: https://uristy.ucoz.ru/publ/18-1-0-850 (дата обращения: 18.03.2020).

10. Брычева Л.И., Берестнев Ю.Ю. Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации: Сборник документов / Брычева. Л.И., Ю. Ю. Берестнев. // Москва. 2013. №2. С. 457-500.

11. Батурин Ю.М. Российский путь к свободе прессы. М.: Российская академия наук, 2017. С. 15-17.

12. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1985. С. 121.

13. Волчанская А.Н. Государственные гарантии защиты прав человека // ЮП. 2012. №2 (51). С. 119-122.

14. Гаврилов В.В. Действие норм международного права в правовой системе США// Журнал Российского права 2003, № 2 С.116-119.

15. Гавришов Д. В. Гарантии реализации субъективного права на информацию: конституционно-правовой аспект: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Гавришов. - Белгород, 2010. 25 с.

16. Глотов С.А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека / С. А. Глотов. – Саратов: ИНФРА М, 2011. С. 130.

17. Гришаева Ю.И. Право граждан на информацию об организации и деятельности местного самоуправления в России: дис. ... канд. юрид. наук / Ю. И. Гришаева. - Оренбург, 2007. 208 с.

18. Давыдов А.Н. Конституционно-правовоые основы реализации права на массовую информацию в России и за рубежом: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. Москва, 2008.22 с.

19. Дженис М. Европейское право в области прав человека (практика и комментарии) / М. Дженис, Р. Кэй, Э. Брэдли. - М.: Права человека, 1997. 640 с.

20. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к

Европейской конвенции о защите прав и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. - СПб.:Юрид. центр Пресс, 2004. С. 342-381.

21. Ефимова Л.Л. Конституционный принцип свободы слова / Л.Л. Ефимова. URL:http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/49b988f62c7ed701c3256a3300423872 (дата обращения: 10.05.2020 года)

22. Зорькин В.Д. Предел уступчивости // Российская газета. 29.10.2010. № 5325.

23. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

24. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

25. Каменева З.В. Опыт правового регулирования диффамация в мире // Адвокат, 2014, №6. С.28-30.

26. Кирсанов И.В. Проблемы изучения права Совета Европы в системе российского юридического образования. Институтправа и публичнойполитики / Кирсанов. И.В.. // Сутяжник. 2014. №3. С. 157-210

27. Корченкова Н.Ю. Проблемы реализации права человека на информацию в Российской Федерации // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Законные интересы граждан и правовые средства их защиты в России / Под ред. В.Т. Томина и И.А. Склярова. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1997. С. 124-128.

28. Кудряшова О.А. Ограничение свободы распространения информации в целях противодействия экстремистской деятельности: конституционно-правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. Санкт-Петербург, 2012. 22 с.

29. Каракотов Р.М. Конституционно-правовые основы и проблемы реализации свободы массовой информации в Российской Федерации:

автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. Москва, 2013. 20 с.

30. Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации: автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.02 . - Пенза, 2019. 63 с.

31. Колмакова Т.Н. Характеристика права каждого на свободу слова как основного права // Вестник экономической безопасности. 2015. №5. С. 57 – 59.

32. Лисицына Е.С. Право на информацию и информационная деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. - 214 с.

33. Мецгер А.А. Гарантии охраны (защиты) права на личную неприкосновенность в России: понятие, содержание, виды // Образование и право. 2020. №1. С. 56-62.

34. Малько А.В. Право гражданина на информацию: необходимость, природа, гарантии реализации // Правоведение. 1995. № 3. С. 14.

35. Монахов В.Н. Свобода массовой информации в Интернете. Правовые условия реализации. М., 2005. С. 216-218.

36. Морозова Е.В. Механизм реализации конституционной гарантии государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2010. №4. С. 54-66.

37. Маковей М., Чефранова Е.А. Прецеденты и комментарии: учеб.-метод. пособие. М., 2001. С.165-168.

38. Муратов М.Я. Право на свободу слова: история и современность: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.01. - М.,2002. 22 с.

39. Международные акты о правах человека. Сб. документов. М: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 670 с.

40. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании

Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения : 16.03.2020).

41. Окороков А. З. Ленинский декрет о печати. Исследования и материалы. Сборник XX. – М.: «Книга», 1970. 143 с.

42. Остапенко В.В. Гарантии субъективных прав и свобод как элемент правового статуса человека и гражданина // Теорія і практика правознавства. 2018. №1 (13). С. 5-6.

43. О Конституционном Суде Российской Федерации от 21.07.1994.№ 9-ФКЗ: федеральный конституционный закон (ред. от 14.12.2015) // СЗ. 1994. № 13. Ст. 1447.

44. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

45. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

46. О печати и других средствах массовой информации: закон СССР от 12.06.1990 № 1552-1 (Утратил силу) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 492.

47. О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «В связи с принятием Большой палатой Европейского Суда по правам человека постановления по делу В.М. Кононова: постановление ГД ФС РФ от 21.05.2010 N 3694-5 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система

48. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» Постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. N 694 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система

49. Пашнина Т.В. Дискуссионные аспекты определения термина «Право на информацию» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. №2. С. 98 – 105.

50. Погорелова М.А. Конституционно-правовое регулирование права на информацию в Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук / М. А. Погорелова. - М., 2010. 200 с.

51. Перова Н.А. Конституционно-правовое регулирование свободы слова в Соединенных Штатах Америки и Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. Москва, 2013. 24 с.

52. Памятники российского права. В 35 тт. Том 21. Памятники права Временного правительства. Учебно-научное пособие // Под общ. ред. А.А. Демичева и Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2016.С.145-148.

53. Постановление ГД ФС РФ от 21.05.2010 N 3694-5 ГД «О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «В связи с принятием Большой палатой Европейского Суда по правам человека постановления по делу В.М. Кононова» // СПС Консультант Плюс.

54. Постановление Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» //СПС Консультант Плюс.

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4638.

56. Постановление Конституционного Суд РФ от 26.02.2010 г. № 4-П // Сайт Конституционного Суда РФ. URL:http://www.ksrf.ru

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П // Сайт Конституционного Суда РФ. URL:http://www.ksrf.ru

58. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. N 21-П // Сайт Конституционного Суда РФ. URL:http://www.ksrf.ru

59. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу Дудин и Кислов против России (DyuldinandKislov v. Russia) от 10.07.2007, жалоба № 25968/02 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система

60. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу ТоргерТоргерсон против Исландии от 25.06.1992, жалоба № 00013778/88 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система

61. Постановление Европейского Суда по правам человека по Барфод против Дании от 22.02.1989 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система.

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Сайт Верховного Суда РФ.URL.: http://www.vsrf.ru (дата обращения: 10.05.2020).

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 N 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Консультант Плюс: Справочно-правовая система

65. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа по делу № А40–7843/13–117–72 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система

66. Рихтер А. Г. Международные стандарты и зарубежная практика регулирования журналистики: учебное пособие. - Издание ЮНЕСКО. М.: 2011. С. 155.

67. Раушнинг Д., Русинова В.Н. Российская Федерация в Европе: правовые аспекты сотрудничества России с европейскими организациями. Сборник статей. М.: 2008. С. 68-71.

68. Романовский В.Н. Конституционные ограничения прав человека в целях противодействия терроризму в России и за рубежом: автореферат дис. ... кандидата : 12.00.02. Казань, 2019. 22 с.

69. Решение Европейского суда по правам человека по делу по делу Хендисайд против Великобритании //Сайт Европейского суда по права человека. URL: http://www.espch.ru (дата обращения 10.05.2020).

70. Решение Европейского Суда по правам человека по делу Лингенс против Австрии от 08.07.1986 // Консультант Плюс: Справочно-правовая система.

71. Решение Европейского суда по правам человека по делу «Касадо Кока против Испании» от 24 февраля 1994 г. URL: http://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=caselaw&c=#n14597620384884950241259_pointer (дата обращения 10.05.2020)

72. Соболев А.К. Пределы правового пространства свободы прессы. – М., 2008. С. 29-31.

73. Стахова В.В. Особенности реализации права человека на информацию в России через средства массовой информации: дис. . канд. юрид. наук / В. В. Стахова. - М., 2005. 237 с.

74. Свистунова Л.Ю., Коломейцева Т.А. Право на квалифицированную юридическую помощь в системе конституционно-правовых гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина // Ленинградский юридический журнал. 2019. №3 (57). С. 78-84.

75. Тиунов О.И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник международного права, 2015. № 6 С. 25-28.

76. Талапина Э.В. Право на информацию в условиях глобализации // Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография // СПС «Консультант Плюс».

77. Терещенко Л. К. Доступ к информации: правовые гарантии / Л. К. Терещенко // Журнал российского права. 2010. № 10. С.46-53.

78. Уолкер Р. Английская судебная система. - М.: Юрид.лит. - 1980. 180 с.

79. Фролова И.Г. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации в Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. Саратов, 2012. 22 с.

80. Федосеева Н.Н. Право граждан на доступ к информации в Российской Федерации / Н. Н. Федосеева // Гражданское право.2007. № 3. С. 12-18.

81. Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / пер. с нем. Е.А. Сидоровой. М. 2012. С. 197-200.

82. Чеботарева А.А. Теоретико-правовые проблемы законодательного обеспечения информационных прав и свобод / А. А. Чеботарева // Юридический мир. 2015. № 1. С. 49-53.

83. Чуличкова Е.В. Особенности судебной защиты конституционного права на благоприятную окружающую среду // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. №4. С. 82-92.

84. Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Москва, 2018. 28 с.

85. Щербович А.А. Конституционные гарантии свободы слова и права доступа к информации в сети Интернет: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. Москва, 2013. 26 с.

86. Шевердяев, С. Право на доступ к информации в России. Проблемы теории и законодательства / С. Шевердяев. URL: http://old.svobodainfo.org/ru/node/195 (дата обращения 18.03.2020).

87. Эктумаев А.В. Свобода слова в Решениях Европейского Суда по правам человека // Вестник Пермского университета. Юридическиенауки. 2013. С.45 – 50.

88. Эктумаев А.Б. Свобода слова в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. Тюмень, 2012. 25 с.

89. Case-law concerning Acticle 10 of the European Convention of Human Rights, Directorate of Human Rights, Strasbourg, 1998. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Pub_coe_HFfiles_2007_18_ENG.pdf. (дата обращения: 10.05.2020 года).